C. ellef-

Морозова Светлана Николаевна

ТВОРЧЕСТВО К.И. ЧУКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Специальность 10.01.01 — Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук

Работа выполнена на кафедре перевода и переводоведения ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет».

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор

Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты:

Пинаев Сергей Михайлович, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кафедра русской и зарубежной литературы, профессор;

Ковалева Татьяна Витальевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», кафедра истории русской литературы XI—XIX веков, профессор;

Гавриков Виталий Александрович, доктор филологических наук, Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», кафедра государственного управления и менеджмента, профессор

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Защита состоится <u>16 игоня дода</u> в <u>11</u> ч. на заседании диссертационного совета Д 999.061.03, созданного на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ по адресу: Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23- и на официальном сайте http://diss.unn.ru

Автореферат разослан	[2022	-
----------------------	---	------	---

Учёный секретарь диссертационного совета

H-

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность, степень изученности темы и направленность исследования. Актуальность исследования обусловлена его перспективностью для отечественного литературоведения, основывающейся на определении специфики русско-зарубежных литературных связей в контексте изучения обстоятельств рецепции К.И. Чуковским характерных черт инонациональной литературной и историко-культурной среды. Творчество К.И. Чуковского дает богатейший материал для изучения межнационального литературного диалога. Диапазон способов освоения писателем многообразия зарубежной литературы чрезвычайно широк — от переводческого прочтения отдельных произведений иноязычных авторов с целью популяризации их творчества в России до критического анализа их творческого и жизненного пути в литературоведческих и литературно-критических работах. Несомненным достоинством работы К.И. Чуковского в указанном направлении является сочетание примет традиционной публицистики и новой художественной критики, в которых доминирующими становятся философско-эстетические категории.

Значительную научную ценность представляет анализ интерпретации К.И. Чуковским переводной литературы, основанной на сформулированных писателем принципах художественного перевода («Высокое искусство»). К.И. Чуковский в своих работах комментировал переводы произведений зарубежных авторов отечественными специалистами, представляя важные и ценные для уяснения творчества каждого писателя сведения. Наиболее полно характер литературных взаимоотношений России с другими странами можно определить по тем работам критика, в которых представлено объективное исследование литературной судьбы конкретного писателя, не искаженное влиянием событий общественной жизни страны или личными убеждениями автора: «Чарльз Диккенс. Повесть о двух городах» (1919), «Марк Твен. Приключения Тома» (1919), «Бернард Шо» (1922), «Г.Р. Хаггард. Копи царя Соломона» (1922), «Жизнь О. Генри» (1923), «Синг и его герой» (1923), «Гилберт Честертон. Жив-человек» (1924), «О Шерлоке Холмсе» (1945), «Джон Чивер» (1962).

Занимаясь переводами, К.И. Чуковский параллельно изучал биографии переводимых авторов и в течение многих лет накапливал сведения о них и их художественном стиле. К собраниям сочинений и изданиям отдельных произведений зарубежных писателей К.И. Чуковский писал вступительные статьи, представляющие собой критический анализ творчества с элементами биографического обзора важнейших этапов их жизни. Неоспоримым достоинством этих работ является то, что литературные и культурные ассоциации в них свободно переплетаются с оценкой трудов известных и авторитетных писателей и литературоведов, с конкретностью собственных жизненных наблюдений, в которых субъективность

восприятия сглаживается осмыслением исторически сложившегося духовного опыта. Привлеченные для исследования дневник К.И. Чуковского, охватывающий период с 1901 по 1967 г., его письма, в том числе переписка с известными иностранными литературоведами и писателями (например, с С. Монасом и Э. Симмонсом), содержат важные для понимания заявленной темы высказывания о зарубежных писателях и специфике художественного перевода.

Творчеству К.И. Чуковского в контексте литературы его эпохи посвящено большое количество трудов отечественных филологов и литературоведов. Библиографический указатель Д.А. Берман, опубликованный впервые в 1984 году¹, дал представление о том, как шел процесс освоения творчества писателя русскими публицистами и литературоведами, как осмысливались его жизнь и художественное наследие в российской критической и научной литературе, а также стал источником комментариев к публикациям мемуаров К.И. Чуковского, его эпистолярия.

Наиболее значительные исследования, содержащие общую информацию о литературном и жизненном пути К.И. Чуковского, хотя и не раскрывают специфику заявленной темы, но содержат ценные факты, опосредованно способствующие пониманию некоторых особенностей восприятия критиком творчества зарубежных писателей. Среди подобных работ можно выделить следующие: сборник «Жизнь и творчество Корнея Чуковского» под редакцией В.Д. Берестова, «Книга о Корнее Чуковском» М.С. Петровского, монография Е.В. Ивановой «Чуковский и Жаботинский», книга И.В. Лукьяновой «Корней Чуковский» и книга Л.К. Чуковской «Памяти детства. Мой отец — Корней Чуковский».

В двух диссертациях, защищенных в России с небольшим интервалом в 2000-е гг. (А.А. Кочеткова «К.И. Чуковский — литературный критик 1900—1910-х годов» (2004), М.А. Обухова «К.И. Чуковский и С.Я. Маршак в контексте биографий и автобиографической прозы» (2007), представлен анализ отдельных аспектов литературной деятельности К.И. Чуковского.

Вопросы рецепции К.И. Чуковским творчества западноевропейских и американских писателей затронуты во многих статьях отечественных исследователей, которые в ряде случаев, не ограничиваясь узкой проблематикой переводческой или литературно-критической интерпретации К.И. Чуковским наследия конкретного автора, обосновывают широкий контекст взаимодействия русского писателя с иностранными, характеризуют его роль в популяризации зарубежной литературы, а также в развитии межнационального культурного диалога. Это статьи И.Л. Андроникова («Встречи с людьми искусства», 1967), Ник. Алексеева («Письма советским писателям из-за рубежа», 1977), Н.А. Абиевой («Начало

¹ Берман Д.А. Корней Чуковский: Библиографический указатель. — Л.: Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1984. - 377 с.

знакомства с У. Уитменом в России», 1986), Н.П. Соколова («...Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков», 1955), Д.Л. Быкова («Держаться, Корней!», 2002), Б.М. Парамонова «Корней Чуковский: Англия или Америка?», 2002), А.В. Амфитеатрова («Г. Уэллс в Петрограде» в сборнике «Жизнь человека, неудобного для себя и для многих», 2004), Р.Р. Чайковского («Истоки переводческой концепции К.И. Чуковского», 2011), П.М. Крючкова «...приветствую Ваш Оксфорд», 2012), И.Ю. Ерофеева («Оскар Уайльд в литературной критике К. Чуковского», 2013), Е.Ю. Басаргиной «"Русский сезон" в Кембридже в 1916 г.», 2014), З.В. Антоновой («Корней Чуковский и барон Мюнхаузен», 2015), А. Ванинской («Корней Чуковский в Британии», 2011), Л.В. Воробьевой («Городское пространство Лондона как текстопорождающий механизм в очерковой прозе русских писателей начала XX века», 2011), Е.Д. Толстой («"Вы будете глазами и ушами вашего народа". Визит русских писателей в Англию в феврале 1916 г.» в сборнике «Политика и поэтика: русская литература в историкокультурном контексте Первой мировой войны», 2016), К.А. Мильчина («Не только мухи», 2017), М.Н. Липовецкого («Метаморфозы Мюнхгаузена», 2017), П.А. Моисеева («Чушь страшная, но нельзя оторваться», 2020).

Анализ представленных критических работ показал, что эта тема является актуальной в отечественном литературоведении, причем наблюдается усиление интереса к ней в начале XXI века. Не со всеми положениями представленных трудов можно согласиться, но все они в совокупности способствуют пониманию направленности интересов исследователей, характеризующей отчасти и публицистическую деятельность К.И. Чуковского.

Столь пристальное внимание к теме восприятия К.И. Чуковским творчества зарубежных писателей в отечественном литературоведении дает все основания для проведения более глубокого и детального исследования этой проблемы. Возникает необходимость в максимально полном сборе и систематизации материалов, касающихся рецепции К.И. Чуковским иностранной литературы. В этом случае стоит учитывать переводческую рецепцию писателя, восприятие через литературно-критические статьи, эпистолярий и дневниковые записи на протяжении всей его литературно-критической деятельности, охватывающей почти семь десятилетий XX в.

Основные положения настоящего диссертационного исследования будут способствовать углублению знаний о зарубежных литературных связях XX века на примере творчества К.И. Чуковского, а также расширят представление об оригинальности критического таланта К.И. Чуковского и особенностях художественного наследия рассмотренных в исследовании иностранных писателей, жанровой специфике их произведений. Анализ восприятия К.И. Чуковским иностранной литературы значительно обогатит отечественное и зарубежное литературоведение новыми знаниями, а изучение рецепции русским писателем инонациональной культуры и литературы будет содействовать укреплению литературных связей между странами.

Систематизация разрозненных фактов и дополнение темы собственным исследовательским материалом, базирующимся на конкретных фактах обозреваемой темы, позволит заполнить лакуны научного знания в изучении творчества К.И. Чуковского и рассматриваемых в работе зарубежных писателей, а также установить зависимость усиления интереса писателя к конкретным зарубежным произведениям и авторам от процессов, происходивших в российском обществе.

Цель диссертационного исследования — проанализировать основные формы рецепции К.И. Чуковским зарубежной литературы для создания целостной картины литературных связей XX в. с перспективой определения направления дальнейшего изучения выбранной тематики.

Цель конкретизируется в постановке исследовательских задач:

- изучить специфику литературно-критического осмысления К.И. Чуковским творчества зарубежных писателей;
- проанализировать особенности восприятия национальных образов западноевропейского и американского мира в литературно-критическом творчестве К.И. Чуковского в контексте общественных и литературных международных связей XX в.;
- выявить реминисценции из творчества зарубежных писателей в литературном наследии К.И. Чуковского и отечественных авторов;
- осмыслить деятельность К.И. Чуковского как историка и теоретика художественного перевода, его отклики на переводы, выполненные Н.И. Гнедичем, А.В. Дружининым, Т.Л. Щепкиной-Куперник, З.А. Венгеровой, В.А. Жуковским, В.В. Левиком, Б.Л. Пастернаком, С.П. Бобровым и М.П. Богословской, Е.Г. Бекетовой, Н.Л. Дарузес, И.И. Введенским, М.А. Шишмаревой, Т.М. Литвиновой, Н.К. Михайловским, А.Л. Соколовским, М.Л. Лозинским, А.Д. Радловой и др.;
- осуществить анализ переводов К.И. Чуковского и определить их роль в творчестве писателя.

Объект исследования — творчество К.И. Чуковского во всем его многообразии как объект изучения русско-зарубежного литературного диалога.

Предмет исследования — восприятие К.И. Чуковским творчества зарубежных писателей.

Материалом для анализа послужили дневниковые, эпистолярные и мемуарные источники, переводы, литературно-критические публикации и литературоведческие работы К.И. Чуковского, включающие архивные и неопубликованные материалы, его художественные произведения; оригиналы произведений западноевропейских и американских писателей и их русские переводы, выполненные в разное время переводчиками, а также произведения отечественных писателей, содержащие аллюзии на творчество рассматриваемых в работе зарубежных авторов или переклички с ними.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлен целостный анализ рецепции К.И. Чуковским творчества зарубежных

писателей. Совокупность рассмотренных фактов и материалов в комплексном единстве, с учетом обзора разрозненных работ других исследователей по изучаемой теме, дала возможность на примере творчества К.И. Чуковского представить картину русско-зарубежных связей в контексте особенностей литературного развития в России в XX в. Особое внимание уделено тем произведениям, которые в рассматриваемый период вызвали наибольший интерес переводчиков и К.И. Чуковского как литературоведа и литературного критика: лирическим стихотворениям И.-В. Гете (переводы С.В. Шервинского, Б.В. Заходера), его поэме «Фауст» (переводы Б.Л. Пастернака, М.П. Вронченко, А.А. Фета, В.Я. Брюсова), стихотворениям Ф. Шиллера (переводы В.А. Жуковского, В.В. Левика, Б.Л. Пастернака), стихотворениям Г. Гейне (переводы В.В. Левика, А.И. Куприна, А.А. Блока), его поэме «Германия. Зимняя сказка» (перевод Ю.Н. Тынянова), романам Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (перевод А.С. Горковенко), «Посмертные записки Пиквикского клуба» (перевод Е.Л. Ланна и А.В. Кривцовой), «Повесть о двух городах» (переводы С.П. Боброва и М.П. Богословской, Е.Г. Бекетовой), «Мартин Чезлвит» (перевод Н.Л. Дарузес), роману М. Твена «Приключения Тома Сойера» (перевод З.Н. Журавской), рассказу Дж. Чивера «Геометрия любви» (перевод Т.М. Литвиновой), его сборнику рассказов «Семейная хроника Уопшотов» (перевод Т.Л. Ровинской), стихотворениям Т. Мура (переводы А.С. Пушкина, А.Н. Плещеева), трагедиям У. Шекспира «Король Лир» (переводы Н.И. Гнедича, А.В. Дружинина, Т.Л. Щепкиной-Куперник), «Гамлет» (перевод М.Л. Лозинского), «Отелло» (перевод А.Д. Радловой), его сонетам (перевод С.Я. Маршака). Установлен ряд важных семантических, стилистических, экспрессивных и иных различий между оригинальными произведениями и их русскими переводами.

Анализируются малоизвестные статьи К.И. Чуковского в периодике: «Об английском театре» (1904), «Томас Мур как сатирический поэт» (1905), «Памяти Шиллера» (1905), «Смердяков и Заратустра» (1907), «Чему учит Ибсен: критические наброски» (1908), «Английская драма в 1922—1923 гг.» (1923), «Л. Толстой об Уолте Уитмене» (1940), «Маяковский и Уитмен» (1941).

Таким образом, в настоящем исследовании решается проблема изучения рецепции К.И. Чуковским творчества западноевропейских и американских писателей и вносится определенный вклад в область научного знания о русско-зарубежных литературных связях XX века, межкультурной коммуникации и истории русской переводной художественной литературы в целом.

Теоретико-методологическая база исследования основывается на фундаментальных работах классиков отечественного литературоведения и искусствоведения (М.П. Алексеева, Н.И. Балашова, Александра Н. Веселовского, Алексея Н. Веселовского, М.Л. Гаспарова, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана); исследованиях в области русской переводной художественной литературы и теории и истории русского художественного

перевода (научные труды А.Н. Гиривенко, Д.Н. Жаткина, Ю.Д. Левина, Е.Г. Эткинда и др.); работах, посвященных русско-зарубежным литературным и историко-культурным связям (С.С. Аверинцева, Ю.И. Айхенвальда, А.А. Аникста, Р.Ю. Данилевского, В.М. Жирмунского и др.), истории зарубежной литературы (Б.Г. Реизова, З.Т. Гражданской, Я.Н. Засурского, И.И. Анисимова, А.И. Старцева, В.В. Хорольского и др.).

Специфика предмета исследования определила выбор методологии проводимого анализа. В ходе работы использовались сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, культурно-исторический и историко-генетический методы. Обращение к биографическим реалиям, необходимым для анализа творчества отдельных зарубежных писателей, обусловило использование элементов социально-психологического метода. При развернутой литературоведческой интерпретации художественных произведений были применены приемы проблемного и сопоставительного анализа. Также стоит отметить принцип историзма, согласно которому отдельные обстоятельства и факты были рассмотрены во взаимосвязи с другими с учетом историко-литературного опыта.

Теоретическая значимость исследования обусловлена значительными общенаучными результатами, полученными в ходе изучения рецепции русским писателем творчества зарубежных писателей в проекции на историю русской и зарубежной литературы и теорию художественного перевода. Полученные данные позволяют осмыслить обстоятельства возникновения интереса к творчеству зарубежных писателей в русской литературе со стороны отечественных писателей, литературных критиков, литературоведов, искусствоведов, переводчиков и охарактеризовать процесс вхождения элементов их творчества в литературную и культурную среду России. Обращение в процессе исследования к вопросам динамики и диалектики литературного развития, художественной преемственности мотивов, образов и языковых приемов дало возможность соотнести типологические черты некоторых писателей и отдельных произведений.

В диссертации также рассматривается проблема интертекстуальности художественного текста, создающейся благодаря цитациям с атрибуцией и без атрибуции, аллюзиям и реминисценциям.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при подготовке лекционных материалов по истории русской литературы XIX—XX вв., истории зарубежной литературы, истории русской литературной критики, при издании переводов произведений рассматриваемых в исследовании зарубежных писателей, создании библиографии русских переводов и критической литературы на русском языке, а также текстуальном комментировании сочинений Шекспира, Р.Э. Распе, Г.А. Бюргера, И.В. Гете, Ф. Шиллера, Т. Мура, Г. Гейне, Г. Бичер-Стоу, Ч. Диккенса, У. Уитмена, М. Твена, О. Уайльда, Б. Шоу, Г.Р. Хаггарда, А.К. Дойля, О. Генри, Дж.М. Синга, Г.К. Честертона,

Дж. Чивера и отечественных писателей, в творчестве которых нашли отражение традиции их иностранных предшественников. На основе результатов исследования могут быть разработаны курсы по выбору, семинары, посвященные русско-зарубежным литературным и историко-культурным связям, художественному переводу, исторической поэтике.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1. Философско-художественное восприятие К.И. Чуковским наследия немецких мыслителей позволяет осмыслить глубинные изменения, происходящие в русской и зарубежной литературе, а также сопоставить их, выявив не только аналогии, но и различие писательских концептосфер на основе анализа представлений авторов о современной картине мира. Высказывания о немецкой философии и ее представителях, содержащиеся в значительном объеме в «Конспектах по философии» (1901–1903) К.И. Чуковского, в ранней философской работе «К вечно-юному вопросу» (1901), в статье «К толкам об индивидуализме» (1902), а также в виде отдельных суждений в его литературно-критических работах, дневнике и эпистолярии, позволяют охарактеризовать рецепцию К.И. Чуковским многих философских категорий и представлений о явлениях мира, а также бытование отдельных образов и идей в творчестве как отечественных, так и зарубежных писателей. Обращение К.И. Чуковского к положениям, представленным в наследии И. Канта, Гегеля, К. Маркса и Ф. Ницше, обусловлено направленностью их философских изысканий на формирование принципов свободы человека и других гуманистических ценностей, неотделимых от нравственно-эстетического компонента литературного творчества. В представлении К.И. Чуковского немецкая философская мысль стала связующим звеном в эпоху разобщения и нравственных колебаний и отвечала нуждам общества в сложный исторический период. К.И. Чуковский определил степень влияния учения немецких мыслителей на русскую литературу, на формирование национального самосознания, проявившегося в творчестве Л.Н. Толстого, М.М. Зощенко, А.А. Блока (философия И. Канта), П.Д. Боборыкина, К.Н. Батюшкова, Н.Г. Чернышевского (диалектический метод Гегеля), А.М. Скабичевского, Н.А. Некрасова (философия К. Маркса), М. Горького, А. Белого, А.И. Куприна, Ф.М. Достоевского (философия Ф. Ницше). К.И. Чуковский считает, что первичная рецепция немецкой философии в России была неоднозначной, хотя и не отрицает при этом ее просветительскую, гуманистическую направленность.
- 2. Выявленные упоминания о Р.Э. Распе и его книге «Приключения барона Мюнхгаузена» в публицистическом творчестве («От двух до пяти», «Горький»), дневнике и эпистолярии К.И. Чуковского позволяют провести параллель между переложением книги о Мюнхгаузене отечественных переводчиков и ее пересказом в редакции К.И. Чуковского, а также установить особенности двух редакций этого пересказа ранней (1923), основанной на пятом издании книги Р.Э. Распе, и поздней (1928),

выдержавшей многочисленные переиздания и опиравшейся в своей основе на немецкий перевод Г.А. Бюргера. В понимании К.И. Чуковского эстетические и философские концепции И.-В. Гете, близкие умонастроению русских читателей, способствовали популярности «Страданий юного Вертера» и «Фауста» в России и стали проводниками общественных идей, в основе которых проявилось стремление людей к изменению жизни. Осмысление произведений И.-В. Гете той или иной культурной традицией происходило в соотнесении с развитием общественно-исторических отношений. Являясь выразителем характерного понимания наследия Ф. Шиллера как наполненного свободолюбивым пафосом, К.И. Чуковский соотносил творчество немецкого поэта не только с парадигмой развития российского общества, но и с особенностями профессиональной манеры переводчиков. Анализ близости художественного мировосприятия А. Блока и Г. Гейне, обусловившей качественное прочтение произведений немецкого поэта, оценки, данные К.И. Чуковским переводам Ю.Н. Тынянова («Германия» и др.), А.И. Куприна («Дворцовая легенда»), В.В. Левика («Завидовать жизни любимцев судьбы»), позволяют определить степень воздействия творчества немецкого поэта на русскую литературу. При этом стремление отдельных современных критиков (в частности, В.П. Кранихфельда) проводить параллели между Г. Гейне и русскими поэтами К.И. Чуковский считает неприемлемым. В этом случае сильнейшая гейневская составляющая в позднем творчестве А.А. Блока рассматривается как необходимый элемент развития отечественной литературы, а не как прямое воздействие инонациональной культуры.

3. Историко-литературные и теоретико-литературные факты, определившие не только характер влияния творчества английских писателей на русскую литературу, но и специфику межнациональных литературных связей, были выявлены К.И. Чуковским при работе с художественным наследием У. Шекспира, Ч. Диккенса, О. Уайльда, Г.Р. Хаггарда, А.К. Дойля, Г.К. Честертона. Представленные в работах К.И. Чуковского замечания по творчеству У. Шекспира стали историко-литературным дополнением темы рецепции его художественного наследия в России. Анализируя переводы произведений английского драматурга, выполненные в разное время Н.И. Гнедичем, А.В. Дружининым, А.А. Фетом, А.Л. Соколовским, А.М. Федоровым, Т.Л. Щепкиной-Куперник, М.Л. Лозинским, Б.Л. Пастернаком, С.Я. Маршаком, А.Д. Радловой, К.И. Чуковский связывает причину изменения идейного замысла произведений с качеством попадающих в отечественную литературу французских и немецких адаптаций. Переводческому восприятию иностранного произведения К.И. Чуковский уделяет большое внимание и при осмыслении творчества Ч. Диккенса. Критик определяет наиболее удачные приемы, используемые отечественными переводчиками при работе над диккенсовскими произведениями. Переиздававшийся несколько раз в значительно дополненных и доработанных редакциях вплоть до 1966 г. этюд К.И. Чуковского «Оскар Уайльд» содержит ценные сведения об особенностях восприятия наследия английского писателя отечественной культурной и литературной традицией. В статье «О буржуазности» (1903) К.И. Чуковский отмечал близость тем и стилистики некоторых произведений О. Уайльда горьковским описаниям социального «дна», художественной манере Л.Н. Андреева и элегичности тона А.П. Чехова. Восприятие К.И. Чуковским творчества Г.Р. Хаггарда формировалось сквозь призму особого видения самобытности и оригинальности романов английского писателя. Критическая работа К.И. Чуковского, посвященная приключенческому роману «Копи царя Соломона», отразила характерные черты романа, способствующие его популярности среди русских читателей, - «правдоподобную» достоверность, не отрешенную от реалий жизни и наполненную фактографичностью. Предпринятое К.И. Чуковским в статье «Нат Пинкертон и современная литература» (1908) разграничение добротной детективной литературы и бульварной книжной продукции вызвано интересом писателя к творчеству Конан Дойля. Критик определил критерии отнесения многих детективов английского писателя к распространенному в то время неоромантическому направлению в литературе, а также указал на причины популярности его произведений в России. Обозначая ведущим направлением в работе Г.К. Честертона публицистическую деятельность, К.И. Чуковский критиковал роман писателя «Жив-человек» за представленную в нем широкую панораму утопических воззрений автора на социальную обстановку в Англии рубежа XIX-XX вв. В очерке «Гилберт Честертон. Жив-человек» (1924) К.И. Чуковский обосновал, почему при всем многообразии жанровых форм, с которыми работал Г.К. Честертон, русские читатели были знакомы лишь с несколькими его произведениями.

4. В конце XIX – начале XX в. Америка воспринималась как индустриальная страна, и русские писатели, придерживающиеся разных идейных и эстетических позиций, уделяли большое внимание гуманности технического прогресса и социально-этическим основаниям американской демократии. Восприятие К.И. Чуковским творчества американской писательницы Г. Бичер-Стоу формировалось под влиянием важных изменений, происходивших в начале XX века в русском обществе и в русской литературе. Отмеченное критиком в статье «Бичер Стоу и ее книга» (1966) художественное своеобразие ранних рассказов американской писательницы и ее романа «Хижина дяди Тома» позволило определить гражданскую позицию Г. Бичер-Стоу как религиозно-примирительную, наполненную гуманистическим пафосом и протестом против рабства. Работы К.И. Чуковского, посвященные американскому поэту и публицисту У. Уитмену, способствовали восприятию его творчества в русле эпохи Просвещения и времени подъема романтического искусства. Выявленный писателем синтез разных идейных направлений в творчестве У. Уитмена позволил

говорить о планетарном характере его демократии, обозначенном в проповеди интернационального братства. Представленная в статьях К.И. Чуковского «Марк Твен» (1910) и «Марк Твен. Приключения Тома» (1919) характеристика писателя как глашатая американской демократии, безграничной свободы, выступившей символом национального самосознания, стала определяющей в русской литературе, а понимание критиком твеновского юмора позволило по-новому интерпретировать многие его произведения. Осмысление К.И. Чуковским рассказов О. Генри в русле традиций социальной прозы шло вразрез с общепринятым представлением о нем в начале XX в. как о продолжателе традиций Джека Лондона. В статье «Жизнь О. Генри» (1922) К.И. Чуковского О. Генри предстает как поборник равноправия и противник любых проявлений агрессии в политике, а его книга «Четыре миллиона» (1906) воспринимается как памфлет, провозглашающий единение людей всей планеты. Подобная социальная направленность характерна и для произведений Дж. Чивера, хотя К.И. Чуковский с большой осторожностью относил писателя к числу пропагандистов социалистических идей. Критикуя первый сборник рассказов Дж. Чивера «The Way Some People Live» (1943) за ученическую подражательность узнаваемому стилю писателей-предшественников, К.И. Чуковский положительно отзывается о книге «The Enormous Radio and other stories» (1953), центральной темой которой он называет несовершенство общественного устройства.

5. Тема национальной самобытности стала определяющей при восприятии К.И. Чуковским ирландской литературы. При анализе творчества Т. Мура К.И. Чуковский затрагивает важные вопросы отечественного литературоведения, касающиеся выявления реминисценций в стихотворениях М.Ю. Лермонтова, а также дает ценные комментарии к биографической книге ирландского поэта, посвященной Дж.Г. Байрону. Критикуя примирительную позицию поэта, согласно которой он отдавал приоритет буржуазному прогрессу, а не демократическим преобразованиям, К.И. Чуковский не отрицает положительного влияния некоторых стихотворений Т. Мура на гражданскую лирику декабристов. Осмысление творчества Б. Шоу К.И. Чуковским проходило с ориентацией на специфику развития национального театра, с определением роли, которую сыграли эстетика и драматургия Б. Шоу в создании «новой драмы» и развитии театрального искусства в целом. Статья К.И. Чуковского «Бернард Шо» дает представление об эстетических взглядах драматурга и его идейной позиции, на формирование которых большое влияние оказали социал-реформистские течения. Драматургия Дж.М. Синга в восприятии К.И. Чуковского являла собой яркий образец реалистического отношения к действительности, выразившегося в критике развитого ирландского национализма и существующей экономической модели. Представленные в работах К.И. Чуковского высказывания о пьесе «Герой» отражают особенности творческой манеры автора пьесы, выступающего за сохранение оригинального литературного языка Ирландии и возрождение национальных традиций страны.

Достоверность и обоснованность результатов проведенного исследования обеспечиваются объемом и источниками эмпирического материала, избранными методами и приемами исследования, всесторонним анализом теоретической литературы по заявленной теме, ссылками на авторитетные научные источники, в том числе на иностранных языках, участием диссертанта в научных конференциях и семинарах.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертации были апробированы в форме докладов на конференциях различного уровня: на Международной научной конференции «Грехневские чтения — XII: литературное произведение в системе контекстов» (Нижний Новгород, 2018), Международной научно-методической конференции «Эпическая традиция в русской литературе XX-XXI веков. XIII Шешуковские чтения» (Москва, 2018), XVIII Международной научно-практической конференции «Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере» (Москва-Пенза, 2019), XXVIII Международной научной конференции «Шекспировские чтения – 2020» (Москва, 2020), Международной научной конференции «"Жизнь – слишком важная вещь, чтобы рассуждать о ней серьезно": ирония, абсурд, парадокс в творчестве Оскара Уайльда (к 120-летию со дня смерти писателя)» (Москва, 2020), Международной научной конференции Шамякинские чтения: Писатель – Личность – Время» (Беларусь, Минск, 2021), XVI Международной научно-практической конференции «Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития» (Петрозаводск, 2021) и др., а также в выступлениях на семинарах и внутривузовских научных конференциях, проводимых на кафедре перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета.

Публикации. Научная значимость полученных в исследовании результатов подтверждена авторитетными рецензиями на статьи, принятые к печати журналами, входящими в действующий перечень ВАК РФ, а также одобрена учеными, выступившими в качестве рецензентов и экспертов на обсуждении диссертации. По теме исследования была издана монография «К.И. Чуковский и зарубежная литература» (М.: Флинта; Наука, 2020) и осуществлены публикации в изданиях перечня ВАК РФ: «Гуманитарные науки», «Балтийский гуманитарный журнал», «Вестник Костромского государственного университета», «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», «Известия Смоленского государственного университета», «Мир науки, культуры, образования», «Известия Волгоградского государственного педагогического университета», «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки», «Известия Южного федерального университета. Филологические науки»; одна из статей по теме исследования опубликована в издании, индексируемом в базе данных Scopus (2-й квартиль), две статьи — в изданиях, индексируемых в базе данных Web of Science.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** описаны актуальность и научная новизна диссертации, определены предмет и объект, цели, задачи, методы исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Нравственно-эстетические воззрения К.И. Чуковского сквозь призму художественного восприятия немецкой философии и музыки» посвящена изучению восприятия К.И. Чуковским философских учений немецких мыслителей и немецкой музыки в свете освещения литературных связей между двумя странами.

В параграфе 1.1 «Отражение эстетических категорий учения И. Канта в отечественном литературном и культурном пространстве» в ходе проведенного анализа было установлено, что значительное воздействие на мировоззрение К.И. Чуковского, как, впрочем, и на все современное ему общество оказала философия И. Канта. К.И. Чуковский обозначил широкий контекст распространения кантовской философии в творчестве отечественных и зарубежных писателей. В этой связи писатель указывал на Л.Н. Толстого, М.М. Зощенко, А. Блока, Т.Г. Шевченко и У. Уитмена. По наблюдению К.И. Чуковского, русской литературе была близка философская позиция И. Канта, основанная на гуманистических идеях французских просветителей и дававшая новое метафизическое объяснение основным категориям бытия. Отношение к западной философской мысли и, собственно, к философии И. Канта менялось в зависимости от общественной и политической ситуации в стране: от неприятия – до глубокого изучения и критического анализа. И демонизация и обожествление И. Канта, как полагает К.И. Чуковский, свидетельствовали о желании понять и, возможно, приспособить основополагающие принципы его учения под нужды русского общества.

К.И. Чуковский признавал ценность философии И. Канта и с уважением отзывался о тех, кто видел положительную роль его философии в формировании национального самосознания. В этой связи он упоминал Л.Н. Толстого как одного из почитателей учения И. Канта, обращавшегося к нему при исследовании экзистенциальных вопросов.

Ассимиляцию положений философии И. Канта на национальной почве К.И. Чуковский видит в увлечении М.М. Зощенко идеей немецкого философа, заключающейся в возможности управления своим здоровьем. Писатель читал труды И. Канта, высказывал оригинальные суждения о его жизни и личности, частично представленные в научно-художественной повести писателя «Возвращенная молодость», в сюжете которой он использовал один из постулатов учения немецкого мыслителя о реальности сохранения и сбережения жизни силой разума и воли.

Намек на категорию пространства и времени, изолированность от мира и физическое несовершенство связали героя стихотворения

А.А. Блока «Сижу за ширмой» с именем немецкого философа, на что указал К.И. Чуковский в очерке «Александр Блок как человек и поэт» (1921—1924).

Размышления К.И. Чуковского над трудами И. Канта показали, что изучение и трактовка писателем нравственно-философских идей немецкого мыслителя не были простым ученическим подражанием, а представляли собой осознанную преемственность, рецепцию, обусловленные собственной идейно-нравственной позицией. Отношение К.И. Чуковского к учению И. Канта во многом было показателем, не только фиксировавшим состояние культуры и происходившие в ней изменения, но и сообщающим о характере более общих социально-исторических процессов.

В параграфе 1.2 «Критическое осмысление К.И. Чуковским идеалистической философии Г.В.Ф. Гегеля» отмечается, что важное место в системе мировосприятия К.И. Чуковского занимает учение Г.В.Ф. Гегеля. В своей ранней философской работе «К вечно-юному вопросу» (1901) К.И. Чуковский выступает с положениями, соотносимыми с марксистской идеологией, но при этом учитывает основные принципы философии Г.В.Ф. Гегеля, что ясно видно там, где писатель говорит о законах общественных отношений, о своем понимании свободы человека и предназначении искусства. Противоречия, возникающие при столкновении в сознании К.И. Чуковского гегелевской и марксистской философских систем, носят конструктивный характер, поскольку позволяют писателю достичь компромисса при объяснении спорных положений путем сопоставления разных по своему содержанию точек зрения.

К.И. Чуковский указывает на узость взглядов некоторых писателей при объяснении не только отдельных положений учения Гегеля, но и всей его философии в целом. В рассуждениях З.С. Шейнис, П.Д. Боборыкина, И.Е. Репина и К.Н. Батюшкова о задачах искусства писатель видит неосознанное обращение к основным постулатам гегелевского учения. Так, 3.С. Шейнис выступает за значимость содержания художественного произведения, П.Д. Боборыкин в «Русской мысли» ратует за чистое самодовлеющее искусство, И.Е. Репин критикует требование от художника определенного содержания и в противовес им К.Н. Батюшков доказывает, что содержание обязательно для каждого художественного произведения, так как только в этом случае удовлетворяются духовные потребности читателя. По мнению К.И. Чуковского, все эти положения представляют собой ничто иное как «гегелевскую триаду» (представление о трехступенчатом характере развития, составными частями которого являются тезис, антитезис и синтез); в выводах И.Е. Репина писатель видит удобный обход дилеммы, а не выход из нее.

В то же время при анализе исследования В.П. Воронцова «Очерки современных направлений. Экономический материализм на русской почве» (1895) К.И. Чуковский отмечает, что Г.В.Ф. Гегель не рекомендует делать отвлеченные выводы из отвлеченных положений, более того,

своим диалектическим методом обязывает мыслителя к всестороннему рассмотрению предмета. Здесь К.И. Чуковский опирается на философскую позицию Н.Г. Чернышевского (в историко-философской литературе тема «Гегель и Н.Г. Чернышевский» традиционно была популярной), который в своей статье «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) определял диалектический метод Гегеля как необходимость подвергать все сомнению, так как вследствие борьбы всевозможных противоположных мнений рождается истина, способствующая пониманию действительности, в чем и видится основная задача философского знания.

В параграфе 1.3 «Материалистическая философия К. Маркса в России и ее роль в определении ценности художественных произведений» представлено осмысление К.И. Чуковским философского учения К. Маркса. Сравнивая индивидуализм и марксизм, К.И. Чуковский приходит к выводу, что если марксизм наделяет рассматриваемое явление отрицательным свойством, то индивидуализм без всяких доказательств отвергает его. По наблюдению К.И. Чуковского, современные ему философы не желали считаться с этим фактом, относя марксизм к отвлеченным построениям, чуждым практического значения и не способным корректировать и направлять поведение человека в социальном обиходе. В числе сторонников марксизма, проповедовавших подобные идеи, К.И. Чуковский называл Н.А. Бердяева и П.Б. Струве, которые в большинстве вопросов примыкали к неокантианцам. В то же время некоторые представители русской интеллигенции безоговорочно принимали и поддерживали марксистскую философию, о чем свидетельствует факт их общения с К. Марксом, описанный К.И. Чуковским в очерке «Григорий Толстой и Некрасов» (1946).

К.И. Чуковский в своих работах представил понимание ряда положений марксизма с опорой на эволюцию исторического процесса. Принимая многое в философии немецкого мыслителя, писатель считал категорически неприемлемым идеологический подход к литературе, согласно которому каждое произведение оценивалось с позиции содержания в нем «правильного» политического курса. К.И. Чуковский неоднократно указывал, что эстетика является единственным надежным критерием общественной ценности художественных произведений. Когда в 1906 г. вышла книга Н. Бельтова (Г.В. Плеханова) «За двадцать лет», К.И. Чуковский откликнулся на нее статьей «Циферблат господина Бельтова», в которой отметил, что книга создана механическим путем и является прибором для измерения марксистских идей «в любом одушевленном или неодушевленном предмете» — марксометром.

Обращение к подобным программам и направлениям, по мнению К.И. Чуковского, приводит к тому, что читатель даже простой анекдот начинает воспринимать через призму идеологической системы, привыкает искать в литературе призыв, поучение и даже приказ. Людям легче жить «в марксизме», чем быть самим по себе; именно в учении марксизма

русский интеллигент находит спасение «от вопросов безверья, от тоски». К.И. Чуковский оговаривается, что только осознанное и взвешенное восприятие философии Маркса, ассимилированной на национальной почве, может дать положительный результат.

Параграф 1.4 «Понимание нравственных категорий философии Ф. Ницше русским общественным сознанием. Метафизический бунт и тема Сверхчеловека в русской литературе» посвящен рассмотрению причин множественности трактовок философии Ф. Ницше в русской культуре и литературе в частности, основу которых К.И. Чуковский видит в различных идейных и гражданских позициях интерпретаторов, а также в самом учении философа, полном противоречий и парадоксов. Расхождение касалось, прежде всего, восприятия окружающей действительности: с одной стороны, отдельные положения философии немецкого мыслителя предполагают глубочайший кризис человечества, упадок, декаданс духа, культуры, ценностей; с другой — желание научить людей веселости и оживить предчувствие будущего, сформулированное в книге «Веселая наука».

Одним из показательных примеров искаженного толкования отдельных вопросов учения мыслителя является, по мнению К.И. Чуковского, характеристика Евг. Соловьевым раннего творчества М. Горького, увлекавшегося идеями немецкого философа. Революционному призыву М. Горького отводилась ведущая роль, тогда как Ф. Ницше с его предвидением грядущих перемен представал певцом жестокости и насилия. Если русская дооктябрьская критика находила в ранних произведениях М. Горького отражение некоторых идей ницшеанского учения, в том числе и воздействие на автора мысли о Сверхчеловеке при изображении героев, то советские исследователи (например, Б.В. Михаловский) отрицали какую-либо связь эстетических представлений русского писателя с мировоззрением немецкого философа, считая, что освоение наследия Ф. Ницше в России не выходило за рамки обычного увлечения. К.И. Чуковский не относил М. Горького к ярому стороннику учения Ницше, но вместе с тем не отрицал наличие в его творчестве отдельных положений, характерных для философии немецкого мыслителя, в частности, идею крайнего индивидуализма с присущими ему безумием храбрости и персонализацией всех человеческих порывов.

К.И. Чуковский также критиковал бытовавшее в русской литературе представление о Ф.М. Достоевском как последователе ницшеанского учения, героям произведений которого приписывался метафизический бунт. В статье «К толкам об индивидуализме» (1902) К.И. Чуковский предостерегал читателей и исследователей от такой крайности, считая, что в творчестве русского писателя метафизическая сущность не является основополагающей и что Ф.М. Достоевский отрицал служебное значение идеалов просвещенного сознания и часто заставлял бунтовщика склониться перед добром, действием, отвлеченным от его цели, что было не характерно для Сверхчеловека Ф. Ницше.

С осторожностью К.И. Чуковский говорит о сближении позиций Л.Н. Толстого и Ницше, критикуя книгу Л.И. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фридриха Ницше», посвященную анализу влияния философии Ф. Ницше на мировоззрение Л.Н. Толстого. В статье «К толкам об индивидуализме» (1902) писатель объяснял несостоятельность книги тем, что Л.И. Шестов, сопоставляя столь многогранные и неоднозначные таланты, выдвигал тезисы, но не мог привести убедительные факты для их обоснования.

Популярность ницшеанского учения в России К.И. Чуковский связывал со стремлением русских писателей найти в философии Ф. Ницше положения, образы и идеи, созвучные эпохе и собственному мироощущению, привнести в их интерпретацию национальный колорит, осмыслить в контексте развития русской культуры.

В параграфе 1.5 «Восприятие К.И. Чуковским образов и мотивов немецкой классической музыки сквозь призму отечественной литературной традиции (на примере творчества И.С. Баха, Л. Бетховена и Р. Вагнера)» исследуется роль классической немецкой музыки в жизни К.И. Чуковского, осмысляемой писателем в контексте межкультурного диалога. Приобщение к музыкальному наследию И.С. Баха, Л. Ван Бетховена, Р. Вагнера стало для писателя внутренней потребностью, стимулировавшей, а иногда и направлявшей его литературную деятельность.

Популярность музыки И.С. Баха в России К.И. Чуковский объяснял стремлением отечественной культурной традиции соотносить классические ценности с тенденциями развития современного искусства. В творчестве И.С. Баха К.И. Чуковского привлекали глубина идеи, склонность к философским обобщениям жизненных явлений, умение концентрировать сложный материал в сжатых музыкальных образах, требующих вдумчивого восприятия и пристального изучения.

Творчество Л. Ван Бетховена воспринималось К.И. Чуковским как переходное между музыкальным классицизмом и романтизмом; сам немецкий композитор представал ниспровергателем старого, прокладывавшим новые, индивидуалистические пути. К.И. Чуковский считал, что на определенном этапе исторического развития музыка Л. Бетховена интерпретировалась современниками в соответствии с развитием общественных отношений, определявших идеологический подтекст в формировании образа композитора, в результате чего появился некий феномен — советский Л. Бетховен — революционер, бунтарь и строитель светлого будущего. Другой крайностью становилось отрицание значимости музыки немецкого композитора для развития русской культуры, о чем, осуждая авторов нового времени, писал К.И. Чуковский в книге «Футуристы».

Произведения Р. Вагнера, несмотря на чрезмерную эффектность, стремление их автора придать музыке подчиненный, изобразительный характер, являлись, по наблюдению К.И. Чуковского, фундаментом,

на котором основывалось творчество многих русских композиторов. Все качества, присущие музыкальной культуре, такие как совершенство и строгость формы, мелодичность, эмоциональная насыщенность и выразительность, просматривались и в отечественной литературной традиции и становились свидетельством не только воздействия, но и схожести основных эстетических категорий музыки и литературы. В опубликованных в конце 1850-х гг. статьях часто указывалось на влияние вагнеровского творчества на формирование самобытности русского Серебряного века.

Имя Р. Вагнера упоминается в работах К.И. Чуковского при анализе стиля А.В. Амфитеатрова и героев произведений В.М. Дорошевича. Проводя параллели между музыкальным и литературным творчеством, К.И. Чуковский говорил о допустимости использования одних и тех же средств создания образа в разных видах искусства.

Во второй главе «Творчество немецких писателей в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского» представлен анализ восприятия К.И. Чуковским творчества немецких писателей и осмысления им процесса заимствований отечественными писателями образов и мотивов из немецкой литературы.

Большое внимание в своих работах К.И. Чуковский уделял творчеству Р.Э. Распе и Г.А. Бюргера, И.В. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне, делая акцент на особенностях восприятия их творчества в России, а также специфике переводческого прочтения их произведений.

В параграфе 2.1 «Переводческое прочтение К.И. Чуковским "Приключений барона Мюнхгаузена" Г.А. Бюргера и Р.Э. Распе. Роль писателя в популяризации "Приключений" в России» охарактеризован широкий контекст русского восприятия образа Мюнхгаузена — от 1791 г., когда было опубликовано первое переложение Н.П. Осипова под названием «Не любо не слушай, а лгать не мешай», до современных К.И. Чуковскому дней, позволивший писателю более корректно передать специфику «Приключений», которые он не только интерпретировал, но и литературно обработал, уточнил отдельные сюжеты, которые органично вписались в структуру повествования. При объяснении дидактического посыла переводной книги К.И. Чуковский не умалял роль юмора и развлекательности историй Мюнхгаузена, изначально предназначенных для детей, считая их наличие необходимым условием добротной детской литературы, в которой смелая выдумка является ценнейшим качеством человеческого ума, нуждающимся в формировании с раннего возраста. Но именно из-за этих качеств отношение к книге о бароне Мюнхгаузене в России на протяжении долгого времени было неоднозначным, так как она нередко осуждалась в связи с кампанией по борьбе с проявлениями «фантастического элемента» в детской литературе. Во времена непрекращавшейся борьбы с «чуковщиной» К.И. Чуковский вынужден был пойти на уступки и в угоду «правильным» педагогам дополнил свой перевод предисловием с рассуждениями о «характерных чертах немецких баронов и помещиков: некультурности, самоуверенности и хвастливом зазнайстве».

В 1923 г. в издательстве «Всемирная литература» вышла книга «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена» с подзаголовком «сокращенное издание для детей среднего возраста» и указанием «перевод с английского под редакцией К.И. Чуковского». Впоследствии, в 1928 г., увидели свет «Приключения Мюнхаузена в пересказе Корнея Чуковского», ориентированные на детей младшего возраста и ставшие основой для последующих многочисленных переизданий. Отметим, что книга 1923 г. представляла собой сокращенный перевод пятого издания Р.Э. Распе (первый и единственный за всю историю русской рецепции «Мюнхгаузена»), а в издании 1928 г. за основу был взят немецкий текст Г.А. Бюргера, существенно отличавшийся от английского текста Р.Э. Распе; при этом автором оригинала, как и ранее, был указан последний.

«Приключения барона Мюнхгаузена» в пересказе К.И. Чуковского стали в отечественном книгоиздании, начиная с 1930-х гг., классической детской книгой, образцом чуткого переложения интерпретируемого произведения для детской аудитории.

В параграфе 2.2 «Просветительский пафос поэзии И.В. Гете и его отражение в русской литературе» анализируется литературная деятельность К.И. Чуковского в контексте восприятия им творчества И.В. Гете. Новая художественная реальность, просветительский дух в сочетании с разными способами отображения действительности — все это неизменно привлекало внимание русских писателей, в произведениях которых слышались отголоски передовых общественных идей, воплощенных в стремлении людей к новой жизни, проявившемся не в политической борьбе и не в практической деятельности, а в нравственных исканиях.

К.И. Чуковский уделял большое внимание переводам русскими специалистами произведений И.В. Гете, сложность работы над которыми заключалась в многостильности произведений автора, в сочетании лиризма повествования с бытовыми зарисовками, сделанными в реалистической манере. С положительной стороны К.И. Чуковский отзывался о переводах из Гете Б.Л Пастернака, М.Ю. Лермонтова, В.Я. Брюсова, Б.В. Заходера, отмечая сохранение формы и содержания оригинала, творческое воплощение авторского замысла. Примером неудачного прочтения К.И. Чуковский считал переводы М.П. Вронченко, А.А. Фета и С.В. Шервинского, характеризовавшиеся буквальной точностью, искажавшей идейное содержание произведения, его художественную концепцию.

К.И. Чуковского интересовали также вопросы восприятия творчества И.В. Гете русской литературой и русским обществом в целом. Писатель полагал, что характер главного героя, с такой глубокой психологичностью обрисованный И.В. Гете в «Страданиях юного Вертера»,

свойственен и современной ему молодежи. Причину внутренней опустошенности и упадочнических настроений писатель усматривает в том, что человек, оторвавшись от общества, не видит цели в жизни и не способен в одиночку преодолевать трудности существования. Также близки отечественному сознанию были и положения, заложенные в «Фаусте» И.В. Гете, ставшие проводником передовых просветительских и общественных идей, воплощением философской мысли эпохи, отразившейся в движении за изучение природы, постижении ее законов.

О влиянии гетевских мотивов на творчество А.А. Блока К.И. Чуковский рассуждал в очерке «Александр Блок» (1908), указывая на новую магию слов в произведениях поэта, которой прежде не было в русской литературе, на умение находить тайну и божественность в обыденности. Схожую параллель писатель проводит и с А.К. Толстым («Поэт-духовидец», 1906), отмечая, что многосторонние литературные и историко-культурные связи получили отражение не только в переводах А.К. Толстого из Гете, но и в произведениях, написанных им по мотивам стихотворений немецкого поэта. Тяготение Ф.И. Тютчева к афористической форме изложения критик объясняет романтическим культом интуитивного и рационального, который в совокупности с философскими раздумьями и пафосным обобщением составляет основу гетевской поэзии.

Вместе с тем К.И. Чуковский отмечал, что каждая культурная традиция характеризовалась собственным восприятием творчества И.В. Гете, отвечавшим идейным требованиям эпохи. К объединяющему фактору, обусловившему популярность Гете у представителей разных литературных направлений, К.И. Чуковский относил просветительский пафос его произведений.

В параграфе 2.3 «Специфика восприятия творчества Ф. Шиллера в России в контексте общественно-политической ситуации в стране» представлены отдельные положения, характеризующие специфику осмысления К.И. Чуковским значения творчества Ф. Шиллера для русской литературы. Писателем определена зависимость восприятия произведений немецкого поэта от художественно-эстетического стиля русских переводчиков XIX в. Он отмечал, что для А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.К. Кюхельбекера, В.С. Курочкина, М.Л. Михайлова наиболее привлекательными были оптимизм и свободолюбие Ф. Шиллера; для И.С. Аксакова, А.А. Фета, А.А. Григорьева был важен Шиллер-идеалист, бежавший от действительности в эстетическую неприкаянность и непричастность ко всему происходящему.

Большой вклад в популяризацию творчества Ф. Шиллера в России внес своим переводческим искусством В.В. Левик. К.И. Чуковский указывает на то, что переводчику удалось воспроизвести поэтическое очарование подлинника. И произведения Ф. Шиллера в его переводах — это стихи Шиллера без характерного для посредственного переложения искажения стиля, а иногда и видения мира.

Стихотворения Ф. Шиллера, переведенные Б.Л. Пастернаком, К.И. Чуковский считает более слабыми, по сравнению с собственным творчеством писателя, но не отрицает его заслугу в деле развития межнациональных литературных связей.

В статье «Памяти Шиллера» (1905) К.И. Чуковский связал характер восприятия творчества Ф. Шиллера с общественно-историческими событиями, происходящими в стране: периоды политической реакции ослабляли интерес к произведениям немецкого писателя или же способствовали их рассмотрению с других, аполитичных, позиций; в годы же реформаторских и революционных событий в Ф. Шиллере видели борца за справедливость и сторонника мятежных действий. К.И. Чуковский особо рассуждал об «упаднических» последних десятилетиях XIX в., о начале XX в., когда столь популярный в периоды общественного подъема шиллеровский дух, презирающий насилие, злобу и вражду, не был принят обществом. По мнению писателя, каждый кризисный поворот развития общественных отношений в России незамедлительно вызывал интерес к произведениям Ф. Шиллера, которые рассматривались в такие моменты как призыв к борьбе и революции.

Параграф 2.4 «Литературно-критическое осмысление К.И. Чуковским феномена "русского" Г. Гейне» содержит анализ представлений К.И. Чуковского о критериях введения произведений Г. Гейне в отечественную культуру, предполагавших создание переводчиками стилистических условий для их органичного восприятия русскими читателями и исследователями в виде смешения стилей и использования словесных и фразеологических неологизмов.

Следуя традициям русского восприятия творчества немецкого поэта в середине XIX в., когда оказался востребован Гейне-сатирик, мастер сарказма, глашатай освободительных идей, К.И. Чуковский критикует переводы многих лирических стихотворений Г. Гейне за отсутствие оттенка пародийности, в реальности крайне значимого для немецких подлинников. Сложность следования данной тенденции заключалась в том, что для русских шестидесятников XIX в. Г. Гейне всё-таки был не совсем «свой», но они или игнорировали это отличие, или довольно сурово расправлялись с тем Гейне, который был им не нужен и даже мешал. Так, Д.И. Писарев объяснял всё неприемлемое для него в творчестве немецкого поэта отсутствием у того чёткой политической платформы.

К русским прочтениям Г. Гейне К.И. Чуковский обращается в книге «Высокое искусство», где показательным называет выполненный В.В. Левиком перевод стихотворения Г. Гейне «Завидовать жизни любимцев судьбы», в котором интерпретатор, соблюдая все формальные признаки оригинального стихотворения (количество стихов, размер подлинника), верно передает художественное впечатление, погружает читателей в характерную гейневскую эмоциональную атмосферу.

С положительной стороны К.И. Чуковский отмечал переводы стихотворений Г. Гейне, сделанные А.И. Куприным, которые удавались писателю благодаря его собственному поэтическому таланту, его способности переводчика передать сатирическую направленность произведения. Именно поэтому он с большой приближенностью к авторскому стилю переложил на русский язык язвительное стихотворение немецкого поэта «Дворцовая легенда» о предках кайзера Вильгельма II, войска которого вторглись в Россию.

К.И. Чуковский осторожно относился к сближениям отдельными критиками творческой манеры Г. Гейне и новых русских поэтов. В очерке «Максим Горький», вошедшем в книгу литературных портретов и характеристик «От Чехова до наших дней» (1908), он упоминал «поэта-звонаря» А.А. Лукьянова, вызывавшего в памяти критика В.П. Кранихфельда образ Г. Гейне. К.И. Чуковского возмутил сам факт сравнения «безнадежного стихослагателя» с Г. Гейне.

А. Блок был единственным русским поэтом, которого К.И. Чуковский без малейших сомнений соотносил с Г. Гейне. Причем А. Блок, в понимании К.И. Чуковского, прошел сложную эволюцию: в начале творческого пути он сопоставим с Новалисом, пишет лирические стихотворения, проникнутые чарующей нежностью, а впоследствии, на закате дней, сближается с Г. Гейне, перед которым жизнь предстала «во всей своей скелетной обнаженности». Писатель считает, что А. Блок в переводах из Г. Гейне нашел подступы к внутреннему миру немецкого поэта и одновременно предъявил свидетельство «болезни», которой пропитана современная жизнь.

По наблюдению К.И. Чуковского, отечественным писателям импонировало противоречивое мировоззрение Г. Гейне, парадоксальное сочетание «вольной песни», отвергающей всякую тенденцию, с бичующей сатирой, так как схожие умонастроения характерны для сознания человека на переходных этапах общественного развития.

Параграф 2.5 «Преемственность национальной традиции в русских переводах Ю.Н. Тынянова из Г. Гейне» посвящен рассмотрению отношения К.И. Чуковского к переводам Ю.Н. Тынянова из Г. Гейне. Писатель считал, что они сыграли важную роль в развитии отечественной переводной литературы, а также способствовали более глубокому ознакомлению русского читателя с творчеством немецкого поэта.

Современники осуждали Ю.Н. Тынянова за «деконкретизацию» Г. Гейне. К.И. Чуковский писал, что у Ю.Н. Тынянова наиболее удачны те произведения, в которых мало лирических отступлений и поэтической образности, хотя Ю.Н. Тынянов не ограничивал свой выбор какими-либо предпочтениями: он переводил за редким исключением то, что прежде не было пропущено царской цензурой, притом щедро обогащал лексику своих переводов немецкими канцеляризмами. Чаще всего К.И. Чуковский

характеризовал эти переводы Ю.Н. Тынянова как виртуозные и отличные. Заслугой писателя являлось то, что для поэтического перевода он избирал путь максимального приближения своего героя к себе и своим современникам, давал ему язык нового времени, вызывая полное доверие читателей. Ю.Н. Тынянов мог позволить себе подобную модернизацию, потому что она опиралась на историзм его художественного мышления. Уходить в другую эпоху, оставаясь современником своей, — таков был принцип Ю.Н. Тынянова.

К.И. Чуковский считает, что произведения Г. Гейне оказали влияние на стиль прозы Ю.Н. Тынянова, и приводит в пример роман автора «Кюхля», содержащий черты переводимых сочинений немецкого автора, которые можно соотнести между собой и по четкой легкости рисунка, и по стройному изяществу всей композиции, и по высокому качеству словесной фактуры, и по богатству душевных тональностей, и по той прекрасной простоте, в которой нет ничего упрощенного и которая свойственна лишь великим произведениям искусства. В своих произведениях Ю.Н. Тынянов использовал как раз эту своеобразную «простоту», которая заключалась в краткости фразы, в многообразии контрастов.

По наблюдению К.И. Чуковского, тыняновские переводы из Г. Гейне не были бы возможны без другого принципиального момента, а именно — умения в событиях прошлого увидеть преемственность, приблизить их к современности, при этом сохраняя их историческое своеобразие. В этом смысле тыняновский Гейне феноменален: оставаясь самим собой — поэтом XIX века, представителем германской культуры, он оказывался современником русских поэтов. Смешение стилей и языков, словесные и фразеологические неологизмы способствовали перенесению Германии Г. Гейне в новую эпоху и другое пространство. Ю.Н. Тынянов таким образом создавал стилистические условия для восприятия русским читателем гейневских текстов как произведений отечественной литературы.

В третьей главе «Восприятие К.И. Чуковским творчества английских писателей» представлены интересные и спорные историко-филологические и теоретические факты, определившие не только характер влияния творчества английских писателей на русскую литературу, но и специфику межнациональных литературных связей. Особое внимание К.И. Чуковский акцентировал на художественном наследии У. Шекспира, Ч. Диккенса, О. Уайльда, Г.Р. Хаггарда, А.К. Дойля, Г.К. Честертона. Его литературнокритические работы отразили характер восприятия их художественного наследия в России, а также способствовали грамотному подходу русских переводчиков к интерпретации произведений этих авторов.

Параграф 3.1 «Освоение творческого наследия У. Шекспира в России через переводческое прочтение его произведений. "Бесплодные усилия любви" К.И. Чуковского» дает представление об особенностях переводческой интерпретации произведений У. Шекспира в России, обозначенных К.И. Чуковским в его литературно-критических статьях.

Характеризуя работы отечественных переводчиков, К.И. Чуковский давал значимые пояснения к их идейной интерпретации произведений У. Шекспира, а также к специфике их переводческой манеры. Переводы Н.И. Гнедича К.И. Чуковский характеризовал как излишне политизированные и приспособленные под конъюнктуру общественно-политического восприятия. Работы А.В. Дружинина были высоко оценены критиком за проявленный автором поэтический талант. Отсутствие стилистической адаптации пьес У. Шекспира в переводах А.А. Фета писатель считал существенным упущением интерпретатора, который, не заботясь о сохранении содержательных особенностей подлинника, слишком буквально следовал за формой и лексикой оригинала и тем самым умалял просветительскую направленность своей работы. Более развернутый анализ К.И. Чуковский дал переводам Т.Л. Щепкиной-Куперник, сценическая направленность которых повышала благозвучие пьес, но не способствовала точной передаче особенностей языка и стиля Шекспира. К.И. Чуковский высоко оценивал переводческий талант М.Л. Лозинского, хотя и критиковал осуществленный им перевод «Гамлета» за чрезмерное следование принципу эквилинеарности. В переложениях Б.Л. Пастернака К.И. Чуковский находил существенные упущения, вызванные творческой позицией автора, который переводные произведения рассматривал как частное проявление поэзии и «навязывал» Шекспиру свой слог и свое мироощущение. В переводах сонетов, выполненных С.Я. Маршаком, писатель, напротив, видел мастерское соединение тонкости научного анализа с творческой свободой. Борьба К.И. Чуковского с всесторонним огрублением творчества Шекспира прослеживается в его критике переводов А.Д. Радловой. В статьях «Искалеченный Шекспир», «Астма у Дездемоны» отражена резкая критика подходов А.Д. Радловой к интерпретации пьес Шекспира, отмечены ошибки, допущенные переводчицей при работе с оригинальными текстами.

Мысли о собственном переводе комедии У. Шекспира «Бесплодные усилия любви» (1945), о судьбе шекспировской пьесы в России К.И. Чуковский изложил в кратком очерке «О "Бесплодных усилиях любви"», посвященном изданию 1945 года, а также в пространной статье «Бесплодные усилия любви», впервые опубликованной в сборнике «Люди и книги» в 1960 г. В статье К.И. Чуковский акцентирует внимание на том, что пьеса У. Шекспира была непопулярна в России из-за наличия в ней большого количества «вымученных и натянутых острот». Писатель не видит оснований для обвинения У. Шекспира в неопытности и незрелости, считая громоздкие и пафосные обороты шекспировской речи издержками исторических реалий. В отличие от большинства исследователей, К.И. Чуковский не считает определяющей в «Бесплодных усилиях любви» только борьбу автора с эвфуизмом. Для демонстрации виртуозного владения автором этим стилем, К.И. Чуковский в своем переводе передает все стадии

словесной манеры эвфуизма, представленные в речи персонажей пьесы, полагая, что У. Шекспир высмеивал не эвфуизм, а чрезмерное опошление и вульгаризирование его любимого стиля.

В параграфе 3.2 «Гуманистические идеи в интерпретации Ч. Диккенса и русских писателей. Специфика переводческого прочтения произведений английского писателя» исследована специфика восприятия К.И. Чуковским творчества Ч. Диккенса в контексте межнациональных литературных связей и через анализ переводческого прочтения его произведений.

Первые произведения Ч. Диккенса, появившиеся в России в 30-е годы XIX века, сразу привлекли внимание читателей и исследователей гуманистическим пафосом, а также идеями, взглядами на искусство и нравственными убеждениями, созвучными отечественной традиции и национальному самосознанию. Сопоставление художественной манеры Ч. Диккенса и А.П. Чехова, проведенное К.И. Чуковским, показало, что творчеству обоих авторов характерна гуманистическая направленность, к пониманию и воплощению которой они подходили по-разному. Ч. Диккенс с заботой относился ко всем слабым, обиженным судьбой или обществом людям, в поступках и в жизни которых он сумел найти беспрецедентные акты милосердия, терпения, человечности. А.П. Чехову тоже было свойственно сострадание к беднякам, но жалость в его выражении была суровой, без иллюзий.

В творчестве Ч. Диккенса К.И. Чуковский увидел свойственную всей гуманистической школе неестественную для реалистического изображения действительности манеру описания бедных людей как слишком милых, одаренных самоотверженным сердцем героев повседневной жизни. В этой позиции автора К.И. Чуковский усматривал тенденцию эпохи, своеобразное заигрывание с буржуазией, ставившее перед собой цель снискать благоволение сильных мира сего к бедным.

К.И. Чуковский также охарактеризовал качество переводов из Ч. Диккенса разных лет, отметив находки и недочеты в работах русских переводчиков. На примере раннего перевода романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», выполненного А. Горковенко в 1841 г., К.И. Чуковский критиковал буквалистский подход к переводу иностранных произведений, искажающий стиль оригинала. Формалистский подход К.И. Чуковский усматривал в переводе «Посмертных записок Пиквикского клуба», выполненном в начале 1930-х гг. Е.Л. Ланном и А.В. Кривцовой. В результате стремления переводчиков к документальной точности одна из самых юмористических книг предстала перед читателями как тяжеловесная и нудная. В этом отношении критик называет образцовым перевод С.П. Бобровым и М.П. Богословской «Повести о двух городах» за его богатейший меткий и пластичный язык, в полной мере отражающий стилистику английского писателя, простонародную фразеологию и лексику.

В числе мастеров, выработавших настолько богатый словарь, что лучшие из их переводов производят впечатление подлинников, К.И. Чуковский называет Н.А. Волжину, Н.Л. Дарузес, Е.Д. Калашникову, М.Ф. Лорие, В.М. Топер, О.П. Холмскую.

На примере диккенсовских переводов К.И. Чуковский критиковал русификацию иностранных сюжетов и образов, характерную для переложений И.И. Введенского и М.А. Шишмаревой; считал недопустимым привнесение в переводной текст цитат из стихотворений русских поэтов, строк русских песен, что, в частности, делала Е.Г. Бекетова, заменившая английский напев фрагментами русской фольклорной песни.

Являясь противником подобных переработок Ч. Диккенса, К.И. Чуковский выступал за сохранение в переводных произведениях английского автора национального колорита, достоверного описания нравов и быта эпохи.

Параграф 3.3 «Эстетизм О. Уайльда в восприятии К.И. Чуковского. История осмысления писателем творчества английского поэта» посвящен рассмотрению позиции К.И. Чуковского по отношению к творчеству О. Уайльда. Несмотря на критическое восприятие некоторых эстетических воззрений О. Уайльда, К.И. Чуковский ценил его творчество и на протяжении жизни корректировал в лучшую сторону свое отношение к нему.

В статье «О буржуазности» (1903) К.И. Чуковский, впервые характеризуя творчество О. Уайльда, отмечает существенное влияние на мировоззрение английского писателя идейных убеждений Дж. Рёскина. Эстетические декларации О. Уайльда, навеянные популярными в конце XIX в. направлениями в искусстве, — прерафаэлитизмом, модерном, способствовали формированию у О. Уайльда убеждённости в приоритете искусства над жизнью, что выражалось в виде протеста против рационального, реалистического изображения действительности. Поклонение О. Уайльда красоте обусловило, на взгляд К.И. Чуковского, его существенную восприимчивость, подражательность в способах выражения своей творческой индивидуальности, а также в формировании сюжетных линий произведений.

Подобное видение было характерно для ранней рецепции К.И. Чуковским творчества О. Уайльда, во многом отличавшейся резкостью и неприятием стиля писателя и художественного воплощения изображаемых в произведении явлений. В переработанной в конце 1950-х гг. для сборника «Люди и книги» статье «Оскар Уайльд» восприятие произведений О. Уайльда предстает более продуманным, нежели прежде.

По сравнению со статьей 1922 г., содержащей довольно резкие критические замечания о механичности написания и включения парадоксов в произведения английского писателя, последний вариант статьи содержит более взвешенные и аргументированные суждения. Более того, в пятом разделе статьи 1960 г. содержатся комментарии К.И. Чуковского относительно его ранней позиции по этому вопросу, демонстрирующие не только

изменение отношения писателя к художественному стилю О. Уайльда, но и в некоторой степени отречение от его прежних убеждений. Чтобы подчеркнуть, что прием парадоксов в исполнении О. Уайльда не является единичным случаем в литературе, К.И. Чуковский для большей убедительности апеллирует к парадоксам в исполнении отечественных писателей, хотя и с оговоркой, что такое явление считается скорее исключением в творчестве приведенных в пример Н.А. Некрасова и Н.К. Михайловского и не свойственно русской литературе. Нивелирование значения общественных функций искусства воспринимается уже не только как отрицание натурализма в искусстве, что было характерно для литературы первой половины XX в., но и как проявление нетерпения к мещанству в жизни, а поведенческая и творческая эксцентрика О. Уайльда — как средство борьбы с пуританской моралью.

Не менее последовательно и обстоятельно К.И. Чуковский в последней редакции статьи, вопреки сложившемуся мнению многих современников о подражательности творчества английского писателя, доказывает оригинальность его стиля, лишенного влияния предыдущего поколения эстетов во главе с У. Моррисом. На протяжении всей статьи писатель, используя многочисленные факты, убеждает читателей, что под внешними слоями напускного пафоса, желания шокировать и удивить скрывается талантливый человек. Такая оценка К. И. Чуковским творчества О. Уайльда не была характерна для первого варианта статьи, скорее, наоборот, он видел незрелость и позерство в поведении и художественной манере писателя.

Думается, что изменение отношения к творчеству О. Уайльда стало не только следствием писательской зрелости К.И. Чуковского и «критики» М. Горького по этому вопросу, но и вызвано благоприятной общественной обстановкой, позволившей вернуть имя О. Уайльда на литературную арену.

В параграфе 3.4 «Взаимосвязь романтического и реалистического направления в романе Г.Р. Хаггарда "Копи царя Соломона"» анализируется восприятие К.И. Чуковским творчества Г.Х. Хаггарда в русле взаимосвязи романтических и реалистических традиций. Писатель явился автором одного из первых критических отзывов о Г.Р. Хаггарде в России, опубликованного в издании одноименного романа в 1922 г. как предисловие под названием «Копи царя Соломона».

К.И. Чуковский отметил важнейший компонент романов Г.Р. Хаггарда — их фантастический мир, являющийся фоном каждого события, благодаря которому автор создает столь удивительные приключения. Романы Г.Р. Хаггарда представляют собой впечатляющие путешествия в давно исчезнувшие цивилизации, далекие страны, привлекавшие своей загадочностью и хранившие несметные сокровища. Фантастический мир Г.Р. Хаггарда основывается, по мнению К.И. Чуковского, в том числе на стремлении английского автора устранить белые пятна в истории. Описанием невероятных чудес Г.Р. Хаггард восполнял потребность массового

читателя в романтических приключениях, столь близких и доступных на страницах его книг.

Вместе с тем, романтизм Г.Р. Хаггарда, основанный на разочаровании викторианской эпохи в научно-техническом прогрессе, смог найти пути для воссоздания реальных событий в романе. Действительность в виде описания природы и точных этнографических подробностей представлена весьма обстоятельно. Ткань повествования настолько фактографична, что даже фантастические элементы не могут поколебать уверенности читателя в правдивости изложенных событий. В манере изложения Г.Р. Хаггарда К.И. Чуковский увидел свойственное для его стиля соединение романтической истории с реальными фактами. Картина события или культура места, где происходит действие, — будь то Древний Египет, завоевание Мексики в XVI в. или же Викторианская эпоха с ее консервативными ценностями, — передаются с исторической точностью. К.И. Чуковский полагает, что дополнительным фактором формирования правдивого впечатления является фантазия Г.Р. Хаггарда, не отрешенная от реалий жизни.

К.И. Чуковский критически относился к мнениям об однотипности романов Г.Р. Хаггарда, в которой его обвиняли многие современники. Подобное впечатление, полагал он, могло сложиться из-за схожести сюжетов, основанных на экзотическом антураже. Кроме того, романы Г.Р. Хаггарда были построены по типу средневекового рыцарского романа, в котором главный герой почти всегда совершал благородный поступок. Но внешняя однотипность лишь кажется таковой, так как фантазия писателя помогает ему создать настолько разнообразные занимательные сюжеты, наполненные множеством событий и деталей, что никакие попытки логического объединения их в единую систему не дают результата.

В целом положительное отношение К.И. Чуковского к произведениям Г.Р. Хаггарда стало отправной точкой отечественной рецепции творчества этого писателя, интерес к которому в России заметно усилился с 90-х гг. XX в., когда появились многочисленные переводы его произведений.

В параграфе 3.5 «Шерлок Холмс А.К. Дойля — типичный персонаж неоромантического направления в литературе» представлен анализ восприятия К.И. Чуковским одного из популярнейших героев детективной литературы — Шерлока Холмса. Литературно-критические работы К.И. Чуковского сыграли большую роль в формировании объективного мнения о детективном жанре: писатель не просто познакомился с новым на тот момент явлением массовой культуры, но и смог разграничить добротную детективную литературу и бульварную книжную продукцию.

Анализируя образ Шерлока Холмса, К.И. Чуковский рассуждает о «пинкертоновщине», распространившейся в то время достаточно широко не только в зарубежной, но и в русской литературе. В статье «Нат Пинкертон и современная литература» (1910) К.И. Чуковский говорит

о причинах трансформации образа Шерлока Холмса на страницах многих детективных историй, видя их не в жалких попытках подражателей создать еще один шедевр детективной литературы, а в желании публики инстинктивно наполнять его своим духовным и нравственным содержанием. Вымышленный Шерлок Холмс, не обремененный нравственными принципами, в отличие от подлинного, являл образ настоящего полицейского сыщика и был понятен и удобен мелким лавочникам и обывателям.

Образ главного героя детективов Конан Дойля позволяет К.И. Чуковскому определить его как типичного неоромантического героя, жизнь которого сопряжена с приключениями и риском. Существенный элемент неоромантического литературного течения – захватывающий и напряженный сюжет, в основе которого лежат таинственные события и опасности, – в полной мере присутствует в рассказах Конан Дойля. В каждой детективной истории автора, по мнению К.И. Чуковского, воспевается могущество человеческого разума и описывается процесс мышления, не оторванный от реальных действий. В то же время, в отличие от типичного представителя неоромантизма, отчужденного от народа и находящегося в позиции «сверхчеловека», Шерлок Холмс не дистанцируется от людей, его мышление конкретно и всегда касается житейских событий и фактов; он не окутан тайной и в нем нет той многозначительности, которая присуща многим героям неоромантической литературы. Высокая культура детектива лишь подчеркивает его целеустремленность, заключающуюся в желании получить как можно больше знаний из разных областей науки.

Оценка К.И. Чуковским главного литературного героя Конан Дойля во многом помогла сформировать у русских читателей объективное представление не только о Шерлоке Холмсе как неординарной личности, эрудите, преданном науке и обладающем страстью к точным и достоверным знаниям, но и о творчестве Конан Дойля в целом.

Параграф 3.6 «Утопические представления Г.К. Честертона о действительности как отражение гуманистического восприятия мира» содержит обзор выявленных К.И. Чуковским особенностей творчества Г.К. Честертона, художественные произведения и публицистические работы которого привлекали внимание русской аудитории глубиной философского содержания и максимальной выразительностью формы, а также органичностью включения в литературный контекст эпохи. С положительной стороны К.И. Чуковский отмечал критический талант Г.К. Честертона, который особенно ярко проявился в его биографических книгах о Р. Браунинге (1903), Б. Шоу (1909), Ч. Диккенсе (1906).

Публицистическую деятельность Г.К. Честертона, в отличие от писательской, К.И. Чуковский находит более убедительной, удачной. По его мнению, она носила не столько развлекательный, сколько просветительский характер и была направлена на формирование духовной и культурной

атмосферы в Англии начала XX века. К.И. Чуковский отмечает полемический задор и неожиданные аргументы, используя которые Г.К. Честертон ведет спор со своими друзьями и оппонентами, среди которых были Б. Шоу и Г. Уэллс.

К.И. Чуковский считает общественные идеалы Г.К. Честертона наивными, а стремление к романтизации повседневности преувеличенным и часто неуместным. С этих позиций писатель критикует роман писателя «Жив-человек». В призывах автора к счастью К.И. Чуковский видит утопию, которая не позволяет реально оценить социально-политическую обстановку в стране. Идеалистическая позиция Г.К. Честертона в корне не соответствовала анархии общественного сознания Англии рубежа веков. Оценивая мировоззрение писателя как иррациональное, К.И. Чуковский обнаруживает главную его проблему: в попытках «заставить читателя по-новому ощутить счастье жизни» Г.К. Честертон не ищет путей и способов для его поиска, а призывает радоваться тому, что есть. Вся деятельность английского писателя на общественном поприще не вызывает иллюзий у К.И. Чуковского, который не видит результата этой деятельности. Восхваляя средневековую теологию, быт и хозяйство старой Англии, Г.К. Честертон много дискутировал с Б. Шоу, защищавшим достоинства социалистического устройства.

В произведениях Г.К. Честертона полемика не всегда возникает как неприятие существующей точки зрения; его пафосные идеи, по мысли К.И. Чуковского, часто являются утопией и возвращением назад, причем такое положение вещей вполне устраивает английских читателей, которые подспудно видят в Г.К. Честертоне не бунтаря, а верноподданного патриархальной Англии, который под личиной воинствующего еретика выступает в защиту старозаветных традиций.

Шутки Г.К. Честертона, которыми наполнены его произведения, отражают желание автора отгородиться от бессмыслицы и несправедливости окружающего мира. В этом показном задоре К.И. Чуковский видит попытку скрыть разочарование жизнью, свойственное мировоззрению многих модернистов начала XX века.

В четвертой главе «Творчество американских писателей в осмыслении К.И. Чуковского» представлен анализ рецепции русским критиком творчества ряда американских авторов, которая совпадала с общепринятым восприятием литературы и культуры Америки конца XIX — начала XX в. под социально-классовым углом зрения, проявившемся в критике буржуазного строя и усилении внимания к картинам классовой борьбы. Подобное понимание было не только обусловлено становлением нового общественного строя в Америке, но и явилось откликом на процессы, происходящие в начале XX века в русском обществе и русской литературе.

В параграфе 4.1 «Творческая индивидуальность Г. Бичер-Стоу. Литературная судьба романа "Хижина дяди Тома"» исследуется специфика осмысления К.И. Чуковским творчества американской писательницы.

Дидактические по своему содержанию первые рассказы, очерки и записки автобиографического характера, включенные в книгу Г. Бичер-Стоу «Мэйфлауэр, или Очерки нравов и характеров потомков пилигримов» (1843), были маловыразительны в художественном отношении и не выходили, по мысли К.И. Чуковского, из ряда тех посредственных повестей и рассказов, которые печатались в большом количестве в американских журналах. Писательница в своих произведениях обращается к проблеме воспитания или же описывает и прославляет пуританские нравы и мораль, осуждающие пороки людей.

Мировую популярность Г. Бичер-Стоу за актуальность темы, отвечающей настроениям и духу времени, принес роман «Хижина дяди Тома». Роман оказал большое влияние на культуру и политику, дав аболиционистскому движению новый стимул и перестроив общественное мнение и сознание в целом; для большинства читателей персонажи книги явились архетипами национального сознания. Необходимо отметить, что Г. Бичер-Стоу не относилась к числу радикально настроенных аболиционистов, вступавших в открытую борьбу с рабством. Ее позиция, как и направленность романа, была религиозно-примирительная, то есть выход из сложившихся противоречий она усматривала в христианской религии, способной примирить рабов и хозяев. И свобода виделась ей не в изменении системы общественных отношений, а в осознании внутренней независимости.

По наблюдению К.И. Чуковского, художественные достоинства романа несомненны, так как умело разработанные интрига и юмор в произведении, сложный по своей принадлежности к определенному литературному направлению пафос, а также драматические истории персонажей создали необходимые предпосылки для возникновения на рубеже XIX—XX вв. новоанглийской реалистической литературы с местным колоритом.

К.И. Чуковский отмечал влияние творчества Г. Бичер-Стоу и, в частности, ее романа «Хижина дяди Тома» на отечественную литературную традицию. В данном случае корректно говорить не о прямом воздействии, а о связи явления с фактами русской литературы. В статье «Новая книга А.И. Куприна» (1914), посвященной выходу в свет второй части повести А.И. Куприна «Яма», К.И. Чуковский называл купринскую повесть «русской» «Хижиной дяди Тома». Писатель считал каждое из этих произведений символом человеческого подвига, только в «Яме» описывались будущие ожидаемые перемены, которые совершит жаждущее обновления русское общество, а «Хижина дяди Тома» уже являлась для всех поколений памятником освобождения рабов.

В параграфе 4.2 «Космизм поэзии У. Уитмена, направленность творчества поэта на осмысление преобразования американской демократии» анализируется творчество У. Уитмена в контексте его восприятия К.И. Чуковским.

Период с 1904 по 1914 г. может считаться временем пробуждения интереса к творчеству американского поэта в России, во многом произошедшего благодаря деятельности К.И. Чуковского, для которого американский поэт был одной из ключевых фигур мирового литературного процесса, значение творчества которого не утрачивалось с годами. За указанный период писателем было опубликовано пять статей, содержащих ценные высказывания о творчестве О. Уитмена. В них писатель отмечает романтическую направленность поэзии У. Уитмена, которая заключается в изображении высшего духовного начала, независимости человеческой личности, в широте определения авторского «я», эмоциональности и лиризме, в порыве к беспредельному и тяге к метафоре и символу. Но романтическая эстетика поэта не дистанцировалась от реальности, которую он стремился воссоздать во всей совокупности конкретных деталей повседневной действительности.

Одним из основных направлений поэзии У. Уитмена, наиболее способствовавшим ее популяризации в России, стала тема космоса. К.И. Чуковского привлекла идея поэта о том, что человеческая жизнь не ограничивается пределами Земли, и выход в космос в этом случае является предпосылкой продолжения жизни, ее общего обновления. В подобном видении, по мнению писателя, сосредоточена вся суть творчества У. Уитмена: чувство бесконечной широты и необычности мироздания гармонично сочетается с ощущением вечной изменчивости, контрастности жизненных явлений. Причем космизм У. Уитмена, по мнению К.И. Чуковского, в этом отношении был синкретичен и содержал в себе не только эволюционные теории естественных наук, но и основные положения идеалистической философии и некоторых других философских течений, популярных в то время.

Политические взгляды У. Уитмена также были проникнуты «космическим энтузиазмом»; имея радикальные политические взгляды, американский поэт выступал против рабства, активно пропагандировал идеи свободы, являлся сторонником демократической партии «Вольная земля». У. Уитмен считал, что смог найти путь развития демократии в его родной стране, когда описывал единую, неделимую, небывалую, большую, сложную демократическую нацию. Соединенные Штаты он считал родиной нового, свободного, независимого человека, проникнутого чувством единения со всеми соотечественниками.

По мнению К.И. Чуковского, У. Уитмен верил в возможность исправления существующих недостатков в политическом устройстве своей страны путем грандиозных демократических преобразований. Изложенные в публицистической работе «Демократические дали» представления

У. Уитмена о демократии имели планетарный масштаб и не только не вмещались в рамки программы популярной в то время американской партии, но и были слишком далеки от реалий современной ему жизни.

Параграф 4.3 «Юмор в произведениях М. Твена и его национальный колорит» посвящен изучению особенностей восприятия К.И. Чуковским отдельных аспектов творчества М. Твена.

Существенное внимание К.И. Чуковский уделял специфике юмора в произведениях американского автора. Критик считал, что юмор не являлся для М. Твена самоцелью, а выполнял служебные функции. Свое предназначение юмориста американский писатель видел не в высмеивании общественных пороков, а в изображении живой, неприукрашенной жизни, в которой он любил всех, над кем смеялся. И оттого, что мотивы шуток М. Твена были взяты из повседневной действительности, а детали оказывались настолько правдивыми, что читатели были уверены в реальности происходящего, его юмор, хотя и имел национальный колорит, был близок и понятен читателям всего мира.

Самыми значимыми произведениями американского писателя К.И. Чуковский считал «Приключения Тома Сойера» (1876), «Приключения Гекльберри Финна» (1884) и «Простофилю Вильсона» (1894). Критик указывал, что несмотря на обилие шуток в этих романах, комический принцип не лежит в их основе. Живя в переломное для страны время, когда остро ощущалась потребность в освещении и сопоставлении прошлого и настоящего страны, М. Твен, казалось бы, насмехался над обветшавшими формами отношений. Но юмор М. Твена был необычным, в нем проглядывалось особое отношение писателя к описываемому предмету, и внешняя комическая трактовка не могла скрыть содержательную серьезность. По мнению К.И. Чуковского, комический принцип М. Твена становится способом реалистического раскрытия психологии людей на фоне общей поэтизации жизни, поэтому правдивые, часто малопривлекательные стороны человеческой жизни все же дают читателю ощущение тепла и радости. Воспетая М. Твеном вольная жизнь и смех, проникнутый лиризмом, являются показателями его любви к простым людям. М. Твен не сторонится бедных людей, не разделяет их на «пригодных» и «непригодных» для своих книг. По мысли К.И. Чуковского, он проявляет себя как истинный патриот, преданный идеям демократии, с теплотой и сочувствием изображающий национальные черты далекого от идеала простого американца.

Рассуждая над характером твеновского юмора, русский писатель не видит в нем сатанизма мефистофельского смеха, горького смеха Г. Гейне, карающего смеха Н.В. Гоголя, — юмор М. Твена вызывает радость и счастье. К.И. Чуковский предостерегает читателей от ошибочного восприятия юмора М. Твена как обличительного. По его наблюдению, грубость юмора была обусловлена беспардонностью окружающей жизни, в которой

побеждал сильнейший, а агрессивность и бравуарность в принципе были характерны для американского юмора, который традиционно называли «неистовым».

В параграфе 4.4 «Преемственность гуманистических традиций американской литературы в творчестве О. Генри» рассмотрены представления К.И. Чуковского о творчестве О. Генри, существенно отличавшиеся от возобладавшего в начале XX века взгляда на писателя как продолжателя традиций Джека Лондона. Первая критическая работа К.И. Чуковского об американском писателе под названием «Жизнь О. Генри» была написана в 1922 году и включала в себя сведения о его жизненном и творческом пути.

По наблюдению К.И. Чуковского, ранние произведения О. Генри были наполнены верой в социальные улучшения. В своих рассказах американский автор идеализировал патриархальный Юг, выступал против любых проявлений агрессии в политике. К.И. Чуковский видел оригинальность художественного стиля Генри-новеллиста в том, что небольшое по объему произведение (в 300–400 строк) содержало огромную, сложную повесть, множество великолепно очерченных лиц и почти всегда оригинальный, замысловатый сюжет. Именно с деятельностью О. Генри связан расцвет жанра новеллы в начале XX века. Читателей привлекали острый сюжет историй, злободневность поднятых тем и изобретательность автора в создании неожиданных, чаще всего наполненных гуманистическим пафосом, концовок. К.И. Чуковский полагает, что отличительной чертой творчества О. Генри был морально-этический способ критики общества, согласно которому писатель протестовал против усилившейся эксплуатации в период накопления капитала, причем делал это с позиций не резонера, а гуманиста, любящего свой народ и свою страну.

Пиком популярности американского писателя К.И. Чуковский считает публикацию его сборника рассказов «Четыре миллиона» (1906), содержащего правдивые истории из жизни простых людей, благодаря которому О. Генри стал знаменит на всю Америку. Авторское предисловие к этой книге содержало объяснение, почему героями рассказов, входящих в сборник, являются четыре миллиона нью-йоркцев. Писатель видел абсурдность жизни там, где другие замечали лишь красивый фасад, обнаруживал не только великолепие внешнего благополучия, но и нищету и отчаянное положение обитателей бедных кварталов города. Все выведенные О. Генри на страницах произведений персонажи жили, по наблюдению К.И. Чуковского, с верой в социальные улучшения, в пользу научно-технического прогресса, пребывая, по сути, в мире иллюзий.

К.И. Чуковский объясняет позицию О. Генри спецификой его гуманистического мировосприятия, являвшегося основой его гражданских воззрений. Американский писатель не мог оставаться в стороне от происходивших в начале XX в. изменений в литературной и общественной жизни страны и в последние свои годы много писал и публиковался.

Он освобождался от амплуа мастера хорошо сделанных рассказов с привлекательной для мещанского вкуса благополучной развязкой. По стилю неоконченного рассказа «Сон», удивительного по своей драматической завязке, можно предположить, что О. Генри в конце жизни был близок к новым творческим рубежам.

В параграфе 4.5 «Реалистическое изображение жизни в "короткой прозе" Дж. Чивера» охарактеризовано отношение К.И. Чуковского к творчеству Дж. Чивера.

В статье «Джон Чивер», опубликованной как предисловие к сборнику рассказов Дж. Чивера «Исполинское радио» (1962), К.И. Чуковский определил видение мира Дж. Чивером как реалистическое, и все беды героев его произведений связывал с причинами, лежащими в основе несправедливого социального устройства общества. По сравнению с первым сборником ранних рассказов американского писателя «Как живут некоторые люди» ("The Way Some People Live", 1943), который К.И. Чуковский критиковал за вторичность и слишком простую и узнаваемую стилистику, в сборнике «Исполинское радио» были видны стиль и художественное мастерство самого автора. Центральной темой этой книги является мысль о несовершенстве общества, в котором существуют проблемы взаимоотношений между людьми, обусловленные как социальным неравенством, так и бесконечной внутренней борьбой с тоской и пустотой, вызванными отсутствием высших ценностей. В своих рассказах Дж. Чивер, по наблюдению К.И. Чуковского, не отходит от характерных для реалистического рассказа 1930—1940-х гг. способов изображения неустроенности жизни, несправедливого социального уклада, основанных на ложных ценностях и таком удобном для каждого человека конформизме в отношениях с другими людьми и даже с самим собой.

В творчестве Дж. Чивера К.И. Чуковский видит также мощную традицию «короткой прозы» XIX-XX вв.: в его рассказах очень часто единственная деталь может раскрыть истинное положение вещей. И в этом случае не следует искать символического подтекста, Дж. Чивер далек от завуалированного преподнесения нужной информации читателю. Его рассказы не отличаются глубоким психологизмом, – для того, чтобы понять героя, читателю не требуется следить за его переживаниями, иногда для выводов достаточно одной фразы или штриха. По мнению К.И. Чуковского, Дж. Чивер неистощим в изобретении таких многоговорящих деталей, в которых проявляется его талант юмориста. Но его юмор направлен не на конкретных лиц, а, скорее, на ситуации. В его рассказах нет жесткой карикатуры, а только молчаливое сопереживание неприкаянности и потерянности человека в этом мире. К.И. Чуковский считает, что это внешнее бесстрастие не должно обманывать читателей, поскольку Дж. Чивер не берется обличать американскую действительность, а лишь изображает несостоявшиеся жизни обычных людей. И хотя в произведениях Дж. Чивера нет ни одного героя, способного противиться своему бедственному положению, они уже одним своим беспощадным изображением инертности и приспособляемости призваны привлечь внимание тех, кто еще может бороться.

К.И. Чуковский характеризует важную особенность художественного метода Дж. Чивера: писатель помещает своего героя в определенный контекст, и его жизнь изображается не фрагментарно, а как цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий. Образы могут переходить из рассказа в рассказ, оставаться схожими темы и идеи, а отдельная фигура какого-либо рассказа, иногда не самая важная и значимая в повествовании, может стать центральной в другом сюжете. В этой закономерности К.И. Чуковский видит характерную черту рассказов Дж. Чивера, отличающую их от произведений Ги де Мопассана, раннего А.П. Чехова, Э. Хемингуэя и Дж.Д. Сэлинджера, внимание которых сосредоточено на отдельных самостоятельных эпизодах.

Пятая глава «Рецепция К.И. Чуковским творчества ирландских писателей» посвящена анализу особенностей восприятия К.И. Чуковским художественного наследия ирландских писателей, творчество которых было ориентировано на общественно-политические события, происходящие в их стране. В конце XIX века наблюдается подъём национального самосознания ирландцев, связанный с борьбой за независимость страны. Страна, долгое время бывшая колонией Британской империи, хотя и заимствовала английский язык, но не утратила своей идентичности, что легко просматривается в творчестве выдающихся писателей — Т. Мура, Б. Шоу и Дж. Синга.

В параграфе 5.1 «Национальные традиции поэзии Т. Мура в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского» содержатся важные факты, определяющие специфику восприятия К.И. Чуковским творчества Т. Мура.

В статье «Ираклий Андроников» (1965—1968) К.И. Чуковский затрагивает популярную в отечественном литературоведении тему художественных заимствований из творчества Т. Мура М.Ю. Лермонтовым. К.И. Чуковский не спорит с утверждением, что «Ирландские мелодии» могли стать основой для создания русским поэтом самостоятельных произведений, включенных в разные лирические циклы. Но писатель категорически не согласен усматривать подобные влияния и заимствования в поэмах М.Ю. Лермонтова «Мцыри» и «Демон». К.И. Чуковский считает, что творчество ирландского поэта не оказало прямого воздействия на поэзию М.Ю. Лермонтова: русскому поэту были близки освободительные мотивы творчества Т. Мура, которые он не заимствовал, а творчески интерпретировал и переработал.

Критика К.И. Чуковского по отношению к Т. Муру была связана с неприятием той части творчества ирландского поэта, на которое оказали

негативное и ограничивающее воздействие слишком умеренные либеральные идеи. Т. Мур наивно верил не в революционные преобразования страны, а в силу буржуазного прогресса, который, по его мнению, будет способствовать процветанию человечества и устранению всех социальных неурядиц. Соотечественники Т. Мура ставили поэту в упрек его аполитичность, отсутствие в его поэзии напряжённого действия и пафоса борьбы. По мнению К.И. Чуковского, гедонизм и эпикурейство, повлиявшие на раннее творчество ирландского поэта привели к тому, что в России его литературная позиция варьировалась от романтической до эстетической. В поэзии Т. Мура превалирующими становятся эстетические категории, а чрезмерное употребление метафор и эпитетов придает его стихотворениям напыщенный, иногда искусственный вид, что просматривается в сборнике «Стихи Томаса Маленького» (1801).

К.И. Чуковский полагает, что в позднем творчестве Т. Мура преобладает осуждение буржуазной среды и сочувствие к трагическим событиям, произошедшим в Ирландии во время подавления национально-освободительных восстаний конца XVIII — начала XIX в. И хотя Т. Мур не принимал участия в патриотической борьбе, исторические события того времени оказали большое воздействие на многие стихотворения «Ирландских мелодий», посвященные подвигам ирландского народа. Особенность общественной позиции автора К.И. Чуковский видит в том, что в ней сохранялось главное предубеждение либерально настроенных кругов ирландского общества — неверие в силы народных масс. В поэзии Т. Мура чувство обреченности происходящей борьбы угнетенного народа обусловило нарастающие мотивы разочарования и скептицизма.

Тем не менее стихотворения Т. Мура, наполненные настроениями и образами, сопутствующими события освободительной борьбы в Ирландии, открыли для русских поэтов-декабристов новые возможности в гражданской лирике. К.И. Чуковского указывает на то, что памфлеты Т. Мура на начало XX в. не утратили в России своего значения, а его творчество было высоко оценено не только декабристами, но и представителями революционной демократии в советские годы.

В параграфе 5.2 «Социалистические представления об устройстве общества в творчестве Б. Шоу» рассмотрено восприятие К.И. Чуковским творчества Б. Шоу, на мировоззрение которого существенное влияние оказал знаменитый поэт и реформатор У. Моррис. Это влияние определило социальную ориентацию драматурга, так как У. Моррис был активным пропагандистом социализма и являлся основателем Социалистической лиги (1885).

К.И. Чуковский считает, что Б. Шоу в своих произведениях, следуя реформаторским фабианским иллюзиям, развивает идею о неисправимой испорченности мира и человека. Мысли о духовном разложении современного общества нашли отражение в пьесе драматурга «Дом, где разбиваются сердца». Связь с традицией чеховского театра прослеживается

в жанровом обозначении этой пьесы, которую автор определил как «фантазия в русском стиле на английские темы». К.И. Чуковский отмечает, что именно Б. Шоу предложил качественно новые подходы к созданию новой драмы, включив в ткань повествования внутренний конфликт, сюжет настроений, принцип двойного диалога, подтекст, открытые финалы.

Несмотря на существующий внутренний разлад Б. Шоу продолжал отстаивать своими произведениями право писателя говорить людям правду об обществе, в котором они живут. Каждый драматург, по его убеждению, должен обращать внимание прежде всего на глубину проблематики своего творчества и силу его общественного звучания. Отклик на современность является для Б. Шоу основным долгом и обязанностью писателя. Вместе с тем рассуждения об изменении общества у Б. Шоу сводятся к логическим сентенциям, что приводит к появлению в его пьесах оттенка умозрительности и морализаторства. Мечты Б. Шоу о создании нового миропорядка в условиях глубокого распада существующего жизненного уклада виделись К.И. Чуковскому наивной утопией.

Критик полагает, что обличение идеалов современного общества и его лживости стало возможным в произведениях Б. Шоу благодаря его увлечению творчеством крупнейшего драматурга конца XIX века Г. Ибсена. Продолжая его театральные традиции, Б. Шоу выступил против «хорошо сделанных пьес», популярных на сценах западноевропейских театров. Размышления Б. Шоу над задачами современной драматургии изложены в работе «Квинтэссенция ибсенизма» (1891 г.), ставшей манифестом его творчества. Как и Г. Ибсен, Б. Шоу обращается к новой художественной форме — форме дискуссии в парадоксальной драме идей. Диалоги, которые ведут герои произведений Б. Шоу, призваны не столько найти решение обсуждаемой проблемы, сколько показать ее в парадоксальном и алогичном развитии и заострить на ней внимание. По словам К.И. Чуковского, благодаря таким дискуссиям создается образная система, которая отражает позиции различных социальных групп, а также доминирующие психологические настроения эпохи.

Трудность подачи драматического действия, обусловленная включенными в текст художественными и философскими обобщениями, приводила к тому, что большинство пьес ирландского драматурга не ставились в отечественных театрах.

В параграфе 5.3 «Драматургический эксперимент Б. Шоу в философской пьесе "Назад к Мафусаилу" как характерная тенденция литературы XX века» охарактеризовано понимание К.И. Чуковским философской пенталогии Б. Шоу «Назад к Мафусаилу», которой посвящена его статья с одноименным названием. В произведении можно наблюдать столкновение разных позиций автора: обличение реальности, связанное с разочарованием в человеке, и фантастическое представление о будущем, опирающееся на неоправданное ожидание того, каким человек может стать.

К.И. Чуковский считает, что новаторство пьесы обусловлено оригинальным типом организации сюжета: вместо традиционного, основанного на внешнем действии, Б. Шоу представляет новый, базирующийся на движении идей, душевной жизни и развитии мыслей персонажей пьесы. Сюжет пенталогии объединен эволюционными теориями Б. Шоу, которые раньше в его творчестве были лишь намечены. В «Назад к Мафусаилу» мысли драматурга развиты в единую систему, проблема эволюции стала стержнем, который скрепил все разрозненные части. Философские размышления первых действий драмы в конце переходят в утопические представления автора о будущем. Принципы дискуссионной драмы, разработанные Б. Шоу, делали пенталогию публицистичной, наполненной теоретическими, отвлеченными беседами, что приводило к уменьшению драматического действия в самой пьесе.

По наблюдению К.И. Чуковского, изображаемая писателем долгожданная эволюция воспринимается как предупреждение, а не побуждение к целенаправленному движению. И хотя пьеса пронизана идеей создания нового строя жизни и присутствия новых людей, надежда только на законы идеализма и чистого разума исключает возможность существования не только человека как биологического существа, но и материальной действительности. Утопия пьесы очевидна: приобщение к миру чистого разума невозможно, пока человек не обратится в чистую мысль, то есть перестанет быть человеком.

Специфика рассматриваемых вопросов обусловила несценичность пьесы: она оказалась растянута, перегружена длинными, имеющими косвенное отношение к действию драматического произведения философскими монологами, лишена действия, а также абстрактна и не способна вызвать у публики сопереживание, ощущение соучастия и вовлеченности.

Тем не менее представленный драматургический эксперимент Б. Шоу отразил не только его литературные симпатии — восхищение творчеством Г. Ибсена, с которым драматурга сближают мотивы самосовершенствования и моральной ответственности личности, но и основную тенденцию литературы XX века — стремление к интеллектуализму и неустанным поискам.

В параграфе **5.4** «Возрождение ирландского национального театра в драматургии Дж.М. Синга» проанализировано восприятие К.И. Чуковским творчества Дж.М. Синга.

В работах К.И. Чуковского Дж.М. Синг предстает как писатель, внесший большой вклад в развитие ирландской драматической литературы, призванной возродить национальный театр. И так как для основателей театра важно было создание настоящего образа Ирландии и ирландцев в противоположность тому искаженному образу, который присутствовал на подмостках английской сцены в конце XIX в., Дж.М. Синг в своих произведениях расширил представление об ирландской национальной самобытности, предложив свое видение образа современного ирландца. Он не

только возвеличил в своих произведениях красоту литературного языка Ирландии, но и ярко представил национальные традиции страны.

Из всех произведений Дж.М. Синга наиболее известной и популярной, в том числе и среди русских читателей, является пьеса «The Playboy of the Western World» («Плейбой Западного мира»). В переводе К.И. Чуковского пьеса ирландского драматурга вышла под названием «Герой» (1923).

О том, что искаженное восприятие творчества Дж.М. Синга было в целом характерным для России 1920-х гг., свидетельствует прочтение его пьесы как легкого, увеселительного произведения, которое подтверждалось, в том числе, способом ее подачи на театральных подмостках. В результате такого видения пьеса Дж.М. Синга становилась фарсом или притчей. По мнению К.И. Чуковского, сатира в произведении ирландского писателя присутствовала, но она была направлена не на характеры и образ действия простых людей, а на развитый национализм и существующие экономические стандарты жизни, определявшие жесткую модель взаимоотношений колониальных властей с местным населением.

К.И. Чуковский одним из первых в литературной критике охарактеризовал политическую подоплеку подобного отношения к творчеству Дж.М. Синга. В произведениях ирландского драматурга, являвшегося одним из видных представителей Театра Аббатства, тесно переплелись ирландская и английская традиции, что вызвало упреки националистов, увидевших в подобном смешении дискредитацию национальной культуры, ее зависимость от британской, и даже угрозу независимости всей Ирландии.

Не меньшую критику вызывал и слишком реалистичный, иногда даже «злой» сюжет произведений драматурга. Критика человеческих пороков в сочетании с отрицанием логичности всего существующего была обусловлена идейно-нравственными взглядами Дж.М. Синга, в результате чего в его пьесах рассматриваются полукарикатурные, парадоксальные ситуации, прослеживается нелогичное и своеобразное развитие сюжетных линий.

По мнению К.И. Чуковского, Дж.М. Синг подстраивался под популярный в то время показной аморализм и, не преследуя в своей пьесе цели обличить какие-либо человеческие пороки, с любопытством исследователя созерцал поступки своих персонажей, не комментируя и не оправдывая их. В этом и заключается причина отчуждения ирландского драматурга от демократически настроенного общества, которое хотело действенной борьбы с «мировой чепухой» и для которого нужна была не мечта, а реальная работа над изменением жизни.

Но, несмотря на разницу убеждений и то, что многие не признавали и не принимали чересчур натуралистичное, иногда шокирующее изображение жизни Дж.М. Сингом, читатели, по мнению К.И. Чуковского, высоко оценили поэтический талант и несравненное мастерство его техники.

В Заключении представлены основные итоги диссертационной работы, которые соотносятся с задачами исследования и положениями, выдвинутыми на защиту.

Проведенное исследование позволило определить в историко-ретроспективном аспекте продуктивность и конкретную результативность восприятия К.И. Чуковским творчества иностранных писателей, представленного разными формами рецепции: переводами, реминисценциями из произведений рассматриваемых писателей и литературно-критическими откликами. Анализ отдельных работ, а также разрозненных фактов, проведенный на основе собственных исследовательских изысканий, дал возможность разработать систему положений, поясняющих специфику осмысления К.И. Чуковским характера взаимодействия русской литературы с зарубежной на примере творчества отдельных авторов. Не менее важным и значимым для отечественного литературоведения является факт установления зависимости восприятия К.И. Чуковским иностранной литературы от общественно-политических и культурных процессов и изменений, происходящих в стране, а также выявление форм и образов присутствия зарубежной литературы в национальном культурном пространстве. Обстоятельный анализ большого объема фактического материала позволил оценить характер вхождения творчества зарубежных писателей в контекст отечественной литературной традиции, а также уточнить представление о развитии русской литературы XX века. Наряду с расширением представлений о К.И. Чуковском и современной ему эпохе неизбежно будет происходить установление новых фактов деятельности его современников. Материалы исследования позволят углубить научное знание о творчестве Г.А. Бюргера, Р.Э. Распе, И.В. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне, У. Шекспира, Ч. Диккенса, О. Уайльда, Г.Р. Хаггарда, А.К. Дойля, Г.К. Честертона, Г. Бичер-Стоу, У. Уитмена, М. Твена, О. Генри, Дж. Чивера, Т. Мура, Б. Шоу, Дж.М. Синга. В этом случае работа вносит весомый вклад в развитие научного направления, связанного с исследованием русской рецепции литературы других стран.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки $P\Phi$:

- 1. Морозова С.Н. Русские переводы произведений Г. Гейне в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 88—91. (Авторский вклад 85%).
- 2. Морозова С.Н. Корней Чуковский о марксистской философии / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. $2016. \text{Т}. 5. \text{N} \, 4 \, (17). \text{C}. 92-95.$ (Авторский вклад $\, 80 \, \%$).

- 3. Морозова С.Н. Русская судьба барона Мюнхгаузена: от ранних изданий к пересказу К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 96—99. (Авторский вклад 60%).
- 4. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о восприятии творчества Ф. Шиллера в России / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. -2017. Т. 6. № 1 (18). С. 59-61. (Авторский вклад 80%).
- 5. Морозова С.Н. Философское учение Ф. Ницше в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. -2017. Т. 6. № 1 (18). С. 62-65. (Авторский вклад 75%).
- 6. Морозова С.Н. Немецкое музыкальное искусство в творческом восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 49—53. (Авторский вклад 85%).
- 7. Морозова С.Н. Философские идеи И. Канта в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. -2017. Т. 6. № 3 (20). С. 74-77. (Авторский вклад 80%).
- 8. Морозова С.Н. Тыняновский Гейне в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 3 (43). С. 153—157. (Авторский вклад 75%).
- 9. Морозова С.Н. Философская пенталогия Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 133—136. (Авторский вклад $80\,\%$).
- 10. Морозова С.Н. Творчество И.В. Гете в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск). 2017. № 2 (63). С. 315—317. (Авторский вклад 80%).
- 11. Морозова С.Н. Восприятие К.И. Чуковским философии Гегеля / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (61). С. 33—39. (Авторский вклад 75%).
- 12. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о специфике переводческого восприятия произведений Чарльза Диккенса в России / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. \mathbb{N} 3 (24). С. 92—97. (Авторский вклад 80%).
- 13. Морозова С.Н. Творчество Гарриет Бичер-Стоу в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Гуманитарные исследования. -2019. -№ 1 (69). C. 49-56. (Авторский вклад -80%).
- 14. Морозова С.Н. Творчество Дж.М. Синга в литературно-критическом восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. \mathbb{N} 3. С. 101—106. (Авторский вклад 85%).

- 15. Морозова С.Н. Творчество Г.К. Честертона в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 3 (51). С. 37—47. (Авторский вклад 75%).
- 16. Морозова С.Н. Корней Чуковский о Шерлоке Холмсе и Артуре Конан Дойле / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Гуманитарные исследования. -2020. -№ 1 (73). C. 78-87. (Авторский вклад -80%).
- 17. Морозова С.Н. Роман Г.Р. Хаггарда «Копи царя Соломона» в рецепции К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 175—178. (Авторский вклад 80%).
- 18. Морозова С.Н. Творчество Джона Чивера в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. \mathbb{N}_2 . С. 164—170. (Авторский вклад 80%).
- 19. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о юморе в произведениях М. Твена / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. 1000 100
- 20. Морозова С.Н. Творчество О. Генри в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. -2021. -№ 1. С. 143-153. (Авторский вклад -80%).
- 21. Морозова С.Н. Эволюция осмысления К.И. Чуковским творчества О. Уайльда / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5 (847). С. 205—217. (Авторский вклад 80%).

Монография:

22. Морозова С.Н. К.И. Чуковский и зарубежная литература. Монография. – М.: Флинта; Наука, 2020. – 270 с.

Публикации в других научных изданиях:

- 23. Morozova S.N. The creativity of Bernard Shaw in the literary-critical perception of K.I. Chukovsky / Morozova S.N., Zhatkin D.N. // Space and Culture. 2019. Т. 7. № 1. С. 73—82. Scopus. (Авторский вклад 70%).
- 24. Morozova S.N. Korney Ivanovich Chukovsky sobre a recepção da tradução russa de Shakespeare (artigo um) / Morozova S.N., Zhatkin D.N. // Laplage Em Revista. -2021. -№ 7 (2). Pp. 209-216. Web of Science. (Авторский вклад -70%).
- 25. Morozova S.N. Korney Ivanovich Chukovsky sobre a recepção da tradução russa de Shakespeare (artigo dois) / Morozova S.N., Zhatkin D.N. //

- Laplage Em Revista. 2021. № 7 (2). Рр. 217—224. Web of Science. (Авторский вклад 70%).
- 26. Морозова С.Н. Переводы Ю.Н. Тынянова из Г. Гейне в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение VIII: Сб. научных трудов. М.: Флинта; Наука. 2017. С. 45—50. (Авторский вклад 70%).
- 27. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о Сверхчеловеке Ф. Ницше в русской литературе // Вопросы филологии и преподавания филологических дисциплин: сборник научных и публицистических статей, посвященных памяти профессора А.П. Ауэра. Вып. 2. Коломна: Изд-во гос. соц.-гум. ун-та, 2017. С. 164—171.
- 28. Морозова С.Н. Творчество Бернарда Шоу в литературно-критическом восприятии К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение IX: Сб. научных трудов. М.: Флинта, 2018. C. 46-59.
- 29. Морозова С.Н. Корней Чуковский о творчестве Бернарда Шоу // XXI век. Человек и окружающий мир. -2018. -№ 1 (1). С. 35–47.
- 30. Морозова С.Н. Поэзия У. Уитмена в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение Х: Сб. научных трудов. М.: Флинта, 2018. С. 129—148.
- 31. Морозова С.Н. Поэзия У. Уитмена в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Из истории русского художественного перевода первой трети XX века. М.: Флинта, 2019. С. 144—162.
- 32. Морозова С.Н. Творчество Оскара Уайльда в восприятии К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение XI: Сб. научных трудов. М.: Флинта, 2019. С. 31—46. (Авторский вклад 75%).
- 33. Морозова С.Н. Творческая индивидуальность У. Уитмена в восприятии К.И. Чуковского // Грехнёвские чтения XII: литературное произведение в системе контекстов: Сб. ст. Международной научной конференции. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. С. 91—100.
- 34. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о творчестве Дж.М. Синга / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение XII: Сб. научных трудов. М.: Флинта, 2019. С. 61-71. (Авторский вклад 80%).
- 35. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о русской переводческой рецепции Шекспира / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Сборник материалов XXVIII Международной научной конференции «Шекспировские чтения 2020». М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2020. С. 93. (Авторский вклад 80%).
- 36. Морозова С.Н. Творчество Томаса Мура в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин //

- Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.; Пенза, 2020. С. 18-34. (Авторский вклад -75%).
- 37. Морозова С.Н. Драматургия Ф. Шиллера в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. -2020. -№ 3 (18). C. 478-483.
- 38. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о специфике переводческого восприятия драматургии Шекспира в России / С.Н. Морозова, Д.Н. Жаткин // Художественный перевод и сравнительное литературоведение XV: Сб. научных трудов. М.: Флинта, 2021. С. 36—57. (Авторский вклад 70%).
- 39. Морозова С.Н. К.И. Чуковский о новой художественной реальности в произведениях И.В. Гете и ее влиянии на русскую литературу // Шамякінскія чытанні: Пісьменнік Асоба Час: зб. навук. пр. / УАМДПУ імя І.П. Шамякіна; рэдкал.: А.У. Сузько (адк. рэд.). Мазыр: МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2021. С. 56—60.
- 40. Морозова С.Н. Творчество Ч. Диккенса в литературно-критическом осмыслении К.И. Чуковского // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции (13 декабря 2021 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. С. 231—239.

Подписано в печать 18.02.2022. Формат 60×84 1/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура NewtonC. Печать цифровая. Усл. печ. л. 2,3. Заказ № 18/02. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.: 440037, г. Пенза, ул. Кирова, д. 49, офис 3.